Р
14

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ДЖОНЪ ЛОККЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Ѳ. Литвиновой

Съ портретомъ Локка, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бот Подъяческая, 39

1892

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. **60** к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) **1** р. **50** к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. **1** р. **50** к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. **50** к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцовъ.* Съ 16 портрет. Ц. **1** р.

Литература и жизнь. *Н К Михайловскаго.* Ц **1** р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. **1** р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. **1** р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. **60** к. Въ папкѣ **75** к. Въ перепл. **1** р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.— **1** р. **50** к. Съ 44 картин.—**2** р. **50** к. На лучшей бумагѣ—на **50** к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—**40** к. и **1** р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) **1** р. и **2** р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина", иллюстраціи. Ц. въ папкѣ **1** р. **50** к.

М... й альб... къ „Сочиненіямъ Пушкина", ...остраціи, но меньшаго формата. ...нкор. переплетѣ—**1** р. **25** к.

С... рмонтова. Съ портретомъ, біо... 15 рисунками. Полное собраніе ... 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же ... Переплеты: для 1-томнаго **40** к. и ...-хъ т. (2 пер.) **50** к. и **1** рубль.

...въ къ Лермонтову. Художествен. ... *Малышева.* Цѣна въ папкѣ **50** к.

...и на Руси. *Бахтіарова.* Ц. **1** р. **50** к.

...е фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. **1** р.

...офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. **35** к

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. ...

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія ... старшихъ классовъ гимназіи и книга домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. ...

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ том... Съ портретомъ автора и статьей *Н. Мих... ловскаго.* Ц. за оба тома **3** р., въ пер. ...

Повѣсти и разсказы И. К. Потапенко. Чет... тома. Цѣна каждаго—**1** руб. Перепл. 2 томовъ вмѣстѣ по **50** к.

Исторія новѣйшей русской литературы. (18... 1890 гг.) *А М Скабичевскаго* Цѣна 2...

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 больш... томахъ, съ портретомъ автора и статьей *К. Михайловскаго* Цѣна за два тома—3...

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1р. ...

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критич... очерки и литературныя характеристики. ... портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. ...

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 больш... томахъ, съ портрет. автора. Ц. **2** р. **50** ...

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе ... народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. ...

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Пе... съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэръ.* 3-е изд Ц. 1...

Счастье и трудъ. *П Мантегацца* Ц. 7...

Больная любовь Гигіеническій ... *П. М... тегацца* Изд 2-е Ц. **50** ...

Роль общественнаго мнѣн... ...ной жизни. Профес. *Гольц...*

Очерки самоуправленія ... и сельскаго. *С. Приклон...*

Борьба съ земельнымъ ... товые очерки. *П. Тимон...*

Брюхо Петербурга. Общ... скіе очерки. *А. Бахтіа...*

Бесѣды о законахъ и п... *ской,* подъ ред. *Я. ...*

Законы о гражданск... ... видъ *Фармаковскій.*

Въ небесахъ. Астроном... *Фламмаріона.* Съ рисун...

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТ...

... **Людмила.** Съ 8 картинками, ... **вказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ... **ратья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. ... **арайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ... **ыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Пол...** ... карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ... **азка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ... **зка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** ... 2 к **Сказка о мертвой царевнѣ** ... т, ц. 3 к.—**Сказка о зо...** ... 2 карт., ц. 2 к.—...

пой рыцарь. Съ 2 карт ... **Сальери.**—Съ 2 карт ... Съ 3 карт, ц. 2 к... ц. 2 к.—**Рус...** ... **рѣлъ.** Съ ... ц. 3 к.— ... **Станці...** ... **Ба...**

3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.— **Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Ску...**

... карт., ц. 20 к.—**Повѣсть** ... ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 пор...

Дозв. ценз. спб. 12 сентября 1892 г. Тип. тов. „Общ. польза“ в Подъяч., 36.

Локкъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ДЖОНЪ ЛОККЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Е. Ѳ Литвиновой

Съ портретомъ Локка, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н Эрлихъ, Садовая, № 9.
1892.

ПРОВ 1957
„Пров 38" Пр
В
1297

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1892 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Роль внѣшнихъ условій въ жизни замѣчательныхъ людей.—Особенности образа жизни Локка.—Главныя черты исторіи Англіи въ семнадцатомъ столѣтіи до 1688 г.—Вліяніе ихъ на Локка.—Рожденіе Локка. — Воспитаніе.—Отношеніе къ отцу.—Любовь къ свободѣ и великодушіе отца передаются сыну.—Оксфордскій университетъ. — Отношеніе Локка къ дипломатической карьерѣ.—Локкъ изъ скромности отказывается занять видное мѣсто въ духовной іерархіи.—Занятія медициной и первое знакомство съ лордомъ Ашли. 7

II. Отношеніе Локка къ семейству Ашли (Шефтсбюри).—Характеръ и политическая дѣятельность лорда Антонія Ашли.—Вліяніе его на судьбу Локка.—Локкъ секретарь управленія дѣлами благотворительности. — Путешествія Локка.—Окончательное паденіе Ашли, заключеніе и переселеніе въ Голландію.—Локку приходится раздѣлить участь Ашли.—Маколей о Локкѣ. 18

III. Эмигранты въ Голландіи.—Англійское правительство преслѣдуетъ Локка и подозрѣваетъ въ сообществѣ съ герцогомъ Монмутомъ.—Личность Монмута и его стремленія не имѣютъ ничего общаго съ задачами Локка.—Письма Локка о вѣротерпимости; основаніе учено-религіознаго общества.—Переворотъ въ Англіи въ 1688 г.; вліяніе его на перемѣну въ судьбѣ Локка.—Возвращеніе Локка на родину.—Локкъ на поприщѣ государственной дѣятельности.—Принцъ Оранскій—король Англіи и отношеніе его къ Локку.—Болѣзнь Локка и удаленіе въ графство Эссексъ. 25

IV. Леди Мешемъ.—Переписка ея съ Лейбницемъ о взглядахъ Локка.—Локкъ и Ньютонъ.—Послѣдніе годы жизни Локка.—Кончина Локка.—Эпитафія—Косте о характерѣ Локка.—Переписка и дневники Локка.—Происхожденіе его „Опыта“.—Предисловіе къ 6-му изданію „Опыта“. 33

стр.

V. Локкъ какъ философъ. — Главныя положенія философіи Локка —Отрицаніе врожденныхъ идей и признаніе опыта единственнымъ источникомъ нашего знанія —„Опытъ о человѣческомъ умѣ“.—Мнѣніе Локка о законахъ нравственности и свободѣ воли.—Отношеніе Локка къ религіи и вопросамъ теологіи. — Матеріализмъ какъ слѣдствіе эмпиризма.—Особенность англійскихъ философовъ Бэкона, Гобса, Локка и Юма. 44

VI. Педагогическая дѣятельность Локка.— Отношеніе педагогической дѣятельности Локка къ его философіи. — Мнѣніе Екатерины II о Локкѣ.—Педагогическій трактатъ Локка „Мысли о воспитаніи“.—Педагогическіе идеалы Локка и Аристотеля.—„Свободный человѣкъ“ и „Джентльменъ“.— Общій характеръ воззрѣній Локка на воспитаніе и образованіе. 59

VII. Вольтеръ о Локкѣ.—Даламберъ о Локкѣ.—Локкъ о Лейбницѣ.—Шефтсбюри о сочиненіяхъ Локка.—Льюисъ о Локкѣ . 73

ИСТОЧНИКИ.

1) *Bourne.*—Life of Locke
2) *King.*—The Life of John Locke.
3) Collection of several pièces of Locke 1720.
4) *Marion* —Locke d'aprés les documents nouveaux (Revue philosophique 1878 г.).
5) *Palm.* — Wie begründet Locke die Realität der Erkenntniss, Jena 1881.
6) *Ueberweg.*—Geschichte der Philosophie, 1883 г.
7) *Маколей.*—Исторія Англіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя Локка настолько извѣстно всѣмъ образованнымъ людямъ, что нѣтъ необходимости устанавливать его право на наше вниманіе. Локкъ довершилъ переворотъ, начатый Бэкономъ, и его справедливо называютъ отцомъ эмпиризма, т. е. того міровоззрѣнія и метода, которымъ мы обязаны всѣмъ нашимъ положительнымъ знаніемъ. Это относится къ содержанію философской дѣятельности Локка, но для насъ имѣетъ также огромное значеніе самая форма изложенія его мыслей; своей простотою и ясностью оно доступно каждому мыслящему человѣку. Для пониманія философіи Локка нѣтъ необходимости знать философію вообще: она вполнѣ самобытна и по содержанію, и по формѣ, въ ней можетъ почерпнуть мудрость человѣкъ всякой профессіи. Мудрость же эта заключается въ пріобрѣтеніи навыка въ правильномъ и самобытномъ процессѣ мышленія. Такіе философы какъ Лейбницъ, Кантъ и другіе для изученія своего требуютъ спеціальныхъ знаній и много времени на предварительную подготовку. Локкъ же можетъ и долженъ служить настольною книгою каждаго обыкновеннаго человѣка. Въ этомъ отношеніи его справедливо можно назвать философомъ-воспитателемъ—тѣмъ болѣе, что вопросы воспитанія и образованія постоянно занимали его умъ. Его педагогическія взгляды чужды всякой рутины; они важны не только для родителей и воспитателей, но также способны возбудить общій интересъ, потому что это независимые взгляды на жизнь и ея задачи.

Самая жизнь Локка, на первый взглядъ не отличающаяся ничѣмъ особеннымъ, представляетъ много замѣчательнаго, если вглядѣться въ нее по-пристальнѣе. Это глубоко-нравственная жизнь просвѣщеннаго, вѣротерпимаго христіанина и въ то же время независимый жизненный путь вполнѣ свободнаго человѣка. Такое рѣдкое сочетаніе свободы съ религіозностью составляетъ исключительную особенность Локка.

ГЛАВА I.

Роль внѣшнихъ условій въ жизни замѣчательныхъ людей — Особенности образа жизни Локка — Главныя черты исторіи Англіи въ семнадцатомъ столѣтіи до 1688 г.—Вліяніе ихъ на Локка.—Рожденіе Локка.—Воспитаніе.—Отношеніе къ отцу — Любовь къ свободѣ и великодушіе отца передаются сыну.—Оксфордскій университетъ —Отношеніе Локка къ дипломатической карьерѣ.—Локкъ изъ скромности отказывается занять видное мѣсто въ духовной іерархіи.—Занятіе медициной и первое знакомство съ лордомъ Ашли

Некрасовъ справедливо говоритъ

Кому судьба вѣнецъ готовитъ,
Того вопросъ куда идти
Не устрашитъ, не остановитъ.

Замѣчательные люди—сознательно или безсознательно—неуклонно выполняютъ свое назначеніе, поэтому между ихъ жизнью и дѣятельностью устанавливается очевидная связь. Внѣшнія условія безспорно играютъ также важную роль въ жизни замѣчательныхъ людей, но эта роль отлична отъ той, которая принадлежитъ имъ въ судьбѣ людей обыкновенныхъ. Различіе это впрочемъ скорѣе количественное, чѣмъ качественное, а именно въ жизни великихъ людей отчетливѣе обнаруживаются тѣ условія, которыя преимущественно передъ другими имѣютъ рѣшающее вліяніе на характеръ и дѣятельность человѣка, и это вліяніе, какъ бы оно ни видоизмѣнялось множествомъ иныхъ условій, всегда можно прослѣдить, если внимательно изучить жизнь. Иногда эти условія замѣтить легко—такъ они преобладаютъ; въ другихъ случаяхъ ихъ приходится отыскивать, чтобы взять какъ руководящую нить, прежде чѣмъ войти въ лабиринтъ мелкихъ событій жизни, запутанныхъ и осложненныхъ множествомъ вліяній.

Въ жизни Локка, небогатой внѣшними событіями, эти условія не трудно подмѣтить. Мы выяснимъ ихъ сначала. а затѣмъ уже приступимъ къ изложенію фактической стороны его біографіи. Эта жизнь имѣетъ свои особенности, о которыхъ нельзя не упомянуть. Если мы прослѣдимъ жизненный путь Локка, не освѣтивъ его предварительно, онъ покажется намъ утомительнымъ и скучнымъ какъ формулярный списокъ, въ которомъ слишкомъ часто фигурируетъ частица «не». Насъ поразитъ совершенное отсутствіе личной жизни и всего, въ чемъ особенно отчетливо проявляется характеръ. Это удивитъ насъ особенно потому, что Локкъ представится намъ не монахомъ, не кабинетнымъ ученымъ, а, какъ и Бэконъ, человѣкомъ вполнѣ житейскимъ, который любилъ и зналъ жизнь. Однако отсутствіемъ личной жизни Локкъ превзошелъ даже Канта; у послѣдняго не было семьи, но онъ все-таки подъ конецъ жизни владѣлъ маленькимъ домикомъ, имѣлъ своего слугу. Локкъ-же былъ бездомникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; всю жизнь онъ безъ всякой внѣшней необходимости провелъ въ чужомъ домѣ или вѣрнѣе въ чужихъ домахъ. Онъ жилъ какъ птица небесная, которая не сѣетъ, не жнетъ и не собираетъ въ житницу, отдавался занятіямъ по влеченію и не только не дѣлалъ себѣ изъ нихъ ремесла, но какъ видно никогда не имѣлъ въ виду какой нибудь цѣльной опредѣленной дѣятельности. Его медицинская практика, педагогическая дѣятельность и государственная служба—все это носитъ какой-то отрывочный, случайный характеръ. Онъ лѣчитъ, когда кто нибудь его заставитъ, онъ является государственнымъ дѣятелемъ, когда представится возможность, никогда ея не добиваясь. Такимъ же характеромъ отличается внѣшняя сторона его философской дѣятельности. Мы увидимъ, что его славное сочиненіе «Опытъ изслѣдованія человѣческаго разума» происхожденіемъ своимъ обязано случаю. Изъ этого можно заключить, что фактическая сторона жизни Локка какъ будто противорѣчитъ тому, что мы говорили о жизни великихъ людей вообще; однако такое противорѣчіе только кажущееся. Во всѣхъ поступкахъ Локка просвѣчиваетъ одно очень опредѣленное отношеніе къ жизни, сложившееся подъ вліяніемъ религіи. Онъ всегда смотрѣлъ на жизнь земную только какъ на приготовленіе къ будущей жизни, не придавая ей никакого самостоятельнаго значенія. Этому до извѣстной степени содѣйствовало

его крайне слабое здоровье. Люди болѣзненные иногда живутъ очень долго, но постоянно смотрятъ на себя какъ на гостей здѣсь, на землѣ. Это сознаніе ведетъ иногда къ прожиганію жизни, подъ вліяніемъ мысли. день мой, часъ мой; чаще же влечетъ за собой набожность и презрѣніе къ радостямъ жизни. Очень можетъ быть, что слабое здоровье Локка совершенно опредѣлило его отношеніе къ жизни. Въ философіи своей, какъ мы увидимъ, онъ стремился примирить интересы науки съ требованіями религіи. Это отняло у него чрезвычайно много времени и стоило много труда... Религіи-же обязанъ Локкъ полнымъ отсутствіемъ честолюбія, что открыло ему возможность служить только истинѣ и благу человѣчества. Національности и историческимъ условіямъ также принадлежитъ своя доля вліянія въ характерѣ и въ жизни Локка.

Исторія Англіи въ періодъ жизни Локка представляла много замѣчательнаго. Условія, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось его развитіе нравственное и умственное, сложились въ царствованіе Карла I-го, Карла II-го и Іакова II-го. Это были условія, создавшія мало по малу революцію 1688 года. Семнадцатое столѣтіе имѣетъ такое же значеніе для Англіи, какъ восемнадцатое для Франціи. Каждое государство, достигая извѣстной зрѣлости, оказываетъ вліяніе на другія національности, и вліяніе это тѣмъ сильнѣе, чѣмъ послѣднія ближе къ первому по своему развитію. Вліяніе Англіи отразилось непосредственно на Франціи и черезъ посредство Франціи передалось другимъ націямъ Но независимо отъ всего этого исторія Англіи въ концѣ семнадцатаго столѣтія представляетъ много интересныхъ и поучительныхъ страницъ для всякаго, кто хочетъ уяснить себѣ связь между умственной и нравственной дѣятельностью человѣка. Это было время, когда геній англійскаго народа выработывалъ всѣ свои особенности, въ которыхъ однако проявлялись обще-человѣческія свойства.

Въ біографіи Бэкона мы говорили о положеніи Англіи въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда основы политической и нравственной жизни только-что нарождались. Отсутствіе нравственнаго начала проявилось тогда во всей своей полнотѣ въ самомъ Бэконѣ. Это было еще до борьбы свѣта съ тьмою, которая заняла весь семнадцатый вѣкъ и окончилась побѣдою свѣта... Борьба противоположныхъ элементовъ нравственной природы человѣка вопло-

щалась въ борьбѣ двухъ крайнихъ партій—прожигателей жизни и пуританъ; онѣ никогда не переставали враждовать между собою и смотрѣли на весь строй человѣческой жизни съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныя очки. Серьезное для одного класса людей было смѣшнымъ для другого. Удовольствія одного были мученіями другого Суровому ригористу даже невинная игра воображенія казалась преступленіемъ. Вѣтреннымъ и веселымъ натурамъ торжественность благочестивой братіи доставляла обильный матеріалъ для насмѣшекъ Писатели также нападали на длинноволосыхъ, гнусливыхъ и плаксивыхъ святошъ, которые давали дѣтямъ своимъ имена изъ книги Нееміи и считали безнравственнымъ ѣсть изюмную похлебку въ праздникъ Рождества Христова. Однако суровые, неотесанные «изувѣры», послужившіе двумъ поколѣніямъ мишенью многихъ шутокъ, наконецъ взялись за оружіе и побѣдили прожигателей жизни, въ свою очередь улыбаясь только мрачно и злобно. Они жестоко мстили и считали *свою* месть *Божьей* карой Театры были закрыты, актеры наказаны розгами. Печать подчинили строгой цензурѣ. Это привело къ лицемѣрію и къ ложному благочестію; подъ личиной добродѣтели жили желанія мести и разгула. Реставрація освободила общество отъ невыносимаго ига, началась старая борьба съ новымъ ожесточеніемъ. Пуританинъ никогда не раскрывалъ рта безъ библейскихъ выраженій, въ противоположность ему насмѣшливые джентльмены изобрѣли выраженія: «накажи меня Богъ, побей меня Богъ, разрази меня Богъ и будь я проклятъ Богомъ». Не удивительно, что литература, являясь всегда отраженіемъ жизни, также сдѣлалась безнравственною; то же относится и къ театру временъ Карла II. Артисты развращали зрителей, а зрители артистовъ, требуя отъ нихъ болѣе и болѣе сильныхъ пряностей. Раболѣпные судьи и шерифы въ то бѣдственное время проливали кровь какъ воду, поэты же отпускали гнусныя шутки по поводу вѣшанія и т. д., даже женщины тогда совершенно лишены были состраданія. Но въ то время, когда все общество было погружено въ тину мелкихъ помысловъ и мелкихъ страстей, въ области науки англійскій геній дѣлалъ великій переворотъ и совершалъ необыкновенные подвиги человѣческаго ума. Маколей справедливо говоритъ, что Бэконъ посѣялъ хорошее сѣмя на необработанной почвѣ и въ неблагопріятную пору. Онъ не ждалъ скорой жатвы

и въ духовной своей торжественно завѣщалъ свою славу другому вѣку. Философія Бэкона медленно зрѣла въ немногихъ свѣтлыхъ умахъ; она зрѣла среди мятежей, войны и разврата. Въ то время, когда обыкновенные люди боролись за господство и стремились поработить другъ друга, отъ нихъ отдѣлилась немногочисленная группа мудрецовъ, которая, отвернувшись съ ужасомъ отъ этой борьбы, предалась благороднѣйшей дѣятельности— изученію природы, лелѣя гордую мечту о власти человѣка надъ матеріей, завѣщанную Бэкономъ. Эти люди работали, писали, проповѣдовали, но долгое время никто не обращалъ на нихъ вниманія; пока шла борьба, всѣмъ было не до того Когда же спокойствіе возстановилось, всѣ обратились къ нимъ, потому что хотя они и не принимали участія въ борьбѣ, но работали не въ кельяхъ, а на людяхъ.

Междоусобныя войны возбудили энергію и изощрили способности образованныхъ классовъ. Послѣдствіемъ такого возбужденія явилась ненасытная любознательность. Итакъ группа мудрецовъ оказалась арміей спасенія; наука дала новое направленіе и содержаніе жизни. Опытныя науки вошли въ моду Всѣ классы общества были увлечены господствовавшимъ настроеніемъ. Богословы, юристы, государственные люди, аристократы, принцы явились почитателями Бэконовой философіи Поэты наперерывъ другъ передъ другомъ воспѣвали наступленіе золотого вѣка Химія, вмѣстѣ съ виномъ и любовью, съ театромъ, карточнымъ столомъ, интригами царедворца и демагога, занимала нѣкоторое время вниманіе непостояннаго Боккингама. У короля Карла была также своя лабораторія Для репутаціи свѣтскаго джентльмена почти необходимо было умѣть что нибудь сказать о воздушныхъ насосахъ и телескопахъ, и даже дамы считали нужнымъ притворяться, что любятъ науку. Это былъ вѣкъ Исаака Ньютона и Локка! Вліяніе естественныхъ наукъ благотворно отразилось на практикѣ. Преобразованіе земледѣлія шло успѣшно; воздѣлывались новыя растенія, употреблялись новыя орудія. Медицина, служившая во Франціи предметомъ насмѣшекъ Мольера, въ Англіи дѣлала блестящіе успѣхи и шла впередъ твердыми и вѣрными шагами.

Всѣ эти блестящіе успѣхи знанія не исцѣляли однако нравственныхъ недуговъ: всюду слышался сильный и горькій вопль

труда противъ капитала... Мужья благороднаго званія не стыдились бить своихъ женъ. Джентльмены въ дни судебныхъ засѣданій устраивали прогулки въ Брайдвелль, чтобы посмотрѣть на бичеваніе несчастныхъ женщинъ, которыя тамъ мяли коноплю. Во время судебныхъ засѣданій тощіе и желтые колодники приносили съ собой изъ тюремныхъ конуръ въ судебную залу смрадную и заразительную атмосферу. На всѣ эти бѣдствія общество смотрѣло съ глубокимъ равнодушіемъ. И все это привело къ извѣстной революціи 1688 г., къ изгнанію династіи Стюартовъ и воцаренію Вильгельма Оранскаго на престолѣ Англіи. Вотъ краткій очеркъ положенія Англіи въ періодъ жизни Локка до его 56 лѣтняго возраста.

Мы познакомились со всѣмъ, что онъ могъ видѣть передъ собою въ разные періоды своей жизни. И намъ нетрудно понять, что должно было главнымъ образомъ остановить на себѣ вниманіе философа. Такіе ученые, какъ Ньютонъ, были далеки отъ жизни, и многое изъ окружающаго отъ нихъ ускользало; Локкъ же, напротивъ, хотя и не погружался въ мелочи жизни, всегда жилъ не съ книгами, а съ людьми, и его не могла не поразить общая безнравственность, о которой мы упоминали. Безнравственность эту наука не исцѣлила, а только освѣтила все ея безобразіе. Спасенія отъ этой безнравственности Локкъ искалъ въ религіи и для себя и для другихъ Это обстоятельство, также какъ и индивидуальныя его свойства, имѣло огромное вліяніе на его жизнь и характеръ дѣятельности. Передъ его глазами постоянно стояла картина противоположности умственнаго величія и нравственнаго ничтожества и рѣзала ему глаза.

Итакъ Локкъ росъ и развивался въ ту пору, когда въ Англіи росла и крѣпла свобода, когда проявленія безнравственности достигли высшей степени и любовь къ естествознанію съ ненавистью къ схоластикѣ носились въ воздухѣ. Все это имѣло безспорное вліяніе на его жизнь и дѣятельность.

Костъ, переводчикъ сочиненій Локка на французскій языкъ, говоритъ. «Локкъ былъ рожденъ для блага человѣчества».

Джонъ Локкъ, сынъ Джона Локка, родился въ 1632 году въ Урингтонѣ, въ семи или восьми миляхъ отъ Бристоля. Отецъ его считался очень образованнымъ юристомъ; онъ владѣлъ значительнымъ состояніемъ, отличался любовью къ свободѣ и въ цар-

ствованіе Карла I-го служилъ капитаномъ въ арміи парламента. Во время гражданской войны Джонъ Локкъ-старшій лишился значительной части своего состоянія, вѣроятно вслѣдствіе щедрости и великодушія, о которыхъ часто упоминаетъ его знаменитый сынъ. Мать Локка была урожденная Кингъ; къ сожалѣнію намъ ничего болѣе о ней неизвѣстно. Но мы знаемъ, что Локкъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ своими родными по матери. Одинъ изъ его родственниковъ, Кингъ, издалъ біографію Локка или вѣрнѣе собралъ для нея матеріалы.

Несмотря на то, что родители Локка вступили въ бракъ въ молодыхъ лѣтахъ, у нихъ было дѣтей только два сына, изъ которыхъ Джонъ Локкъ былъ старшій. Оба брата отличались слабымъ тѣлосложеніемъ и младшій умеръ еще юношей Эта смерть глубоко огорчила родителей и старшаго брата

Какъ ни мало мы знаемъ о дѣтствѣ Локка, намъ представляется возможность судить о тѣхъ семейныхъ условіяхъ, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на его характеръ и воззрѣнія. Отецъ его, состоя въ рядахъ арміи парламента, долженъ былъ принадлежать къ числу людей, способныхъ внушать своимъ дѣтямъ любовь къ свободѣ. Жертвуя собственныя средства на общественныя нужды, онъ подавалъ примѣръ сыну предпочитать общіе интересы личнымъ. Поэтому любовь къ свободѣ и презрѣніе къ мелкимъ житейскимъ интересамъ Локкъ, можно сказать, унаслѣдовалъ и заимствовалъ отъ своего отца. Легко допустить, что набожность Локка развилась подъ вліяніемъ матери, которая жила въ вѣчномъ страхѣ потерять своихъ болѣзненныхъ дѣтей и лишиться мужа, всегда готоваго жертвовать всѣмъ ради своихъ убѣжденій. Ей оставалось только молиться и учить тому же дѣтей. Этого немногаго уже совершенно достаточно, чтобы объяснить главныя черты характера Локка, о которыхъ мы говорили. Онъ, какъ всѣ болѣзненныя дѣти, былъ не по лѣтамъ серьезенъ, поэтому въ немъ не возникало никакого протеста противъ того монотоннаго, нѣсколько суроваго образа жизни, который вели его родители; можетъ быть онъ переносилъ все это легко также и потому, что связанъ былъ съ своими родителями чувствомъ самой нѣжной дружбы, особенно съ отцомъ Отецъ Локка не ощупью велъ воспитаніе сына; онъ выработалъ совершенно самостоятельные взгляды на этотъ предметъ.

Отецъ Локка также очень заботился объ образованіи своихъ сыновей; впослѣдствіи старшій сынъ съ большою похвалой отзывался о его методѣ воспитанія. Когда Локкъ былъ ребенкомъ, отецъ держалъ его въ полномъ и безусловномъ повиновеніи и вдали отъ себя, затѣмъ онъ мало по малу приближалъ его къ себѣ, постепенно замѣняя приказанія совѣтами; такимъ образомъ отношенія начальника и подчиненнаго постепенно сгладились и приблизились къ полному равенству; отецъ съ сыномъ стали друзьями.

Джонъ Локкъ получилъ первоначальное образованіе въ Вестминстерской школѣ; онъ кончилъ курсъ девятнадцати лѣтъ и поступилъ въ Оксфордскій университетъ. Въ 1655 году Локкъ получилъ степень бакалавра искусствъ, а черезъ три года заслужилъ степень магистра. Итакъ повидимому образованіе Локка шло какъ нельзя лучше. Но его мало плѣняли внѣшніе успѣхи; будущій философъ равнодушно относился къ своимъ дипломамъ, съ горестью говорилъ, что ученье отнимало у него только время, нисколько не удовлетворяя его любознательности и не доставляя ни малѣйшаго удовольствія. И того, и другого искалъ онъ въ чтеніи вообще, въ особенности же въ изученіи философіи Декарта; со многими мыслями послѣдняго Локкъ не соглашался, но обаяніе генія, даже при такихъ условіяхъ, было очень велико и плодотворно. Въ молодости Локкъ писалъ стихи, блиставшіе остроуміемъ, но не отличавшіеся изяществомъ формы. Онъ не особенно уважалъ поэтовъ, на чтеніе ихъ тратилъ немного времени и не имѣлъ терпѣнія подражать имъ въ тщательности отдѣлки своихъ стихотвореній.

Могущество университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго было во время Локка очень велико. Къ половинѣ XVII столѣтія оно достигло своего апогея. Ни одно изъ сосѣднихъ государствъ не могло похвалиться такими богатыми въ матеріальномъ отношеніи центрами учености. Званіе университетскаго канцлера было почетнымъ отличіемъ, котораго ревностно домогались первые вельможи королевства; аристократы и даже принцы считали за честь носить красную докторскую мантію. Университеты привлекали людей старинными зданіями, богато украшенными средневѣковою рѣзьбою, новыми зданіями, представлявшими высшую степень искуства Джонса и Река, прекрасными залами и капел-

лами, музеями, ботаническими садами и единственными большими публичными библіотеками, какія только находились тогда въ королевствѣ. Пышность, которую особенно Оксфордъ выказывалъ въ торжественныхъ случаяхъ, могла поспорить съ пышностью державныхъ государей. Но Локка, привыкшаго къ скромному образу жизни своихъ родителей, пышность не могла ослѣпить; онъ и въ то время былъ полонъ сознательнаго презрѣнія къ роскоши. Мы сказали, что Локкъ былъ недоволенъ университетскимъ преподаваніемъ такъ же, какъ и Бэконъ; это показываетъ, что до вступленія своего въ университетъ онъ имѣлъ совершенно опредѣленные умственные интересы. Очень вѣроятно, что отецъ и въ этомъ отношеніи былъ его первымъ наставникомъ, такъ какъ интересъ къ вопросамъ воспитанія со стороны отца Локка говоритъ о склонности его къ наблюденію и размышленію.

Дружба съ такимъ отцомъ не могла не имѣть самаго благотворнаго вліянія на сына. Къ счастію отецъ жилъ довольно долго, и сынъ не только выросъ, но и возмужалъ на его глазахъ. Намъ извѣстно одно письмо Локка къ отцу, относящееся къ 1660 г. Въ немъ Локкъ трогательно проситъ больного отца не жалѣть денегъ на лѣченье и поправленіе здоровья; онъ говоритъ, что не разсчитываетъ на отцовское наслѣдство, а надѣется жить своими трудами Голова и руки развѣ это не капиталъ для всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе для такого, которому, какъ ему, такъ мало надо и т. д.

Письмо не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго, но проникнуто съ начала до конца нѣжной любовью къ отцу. Что касается стремленія Локка пріобрѣтать матеріальныя средства, то мы не видимъ, чтобы онъ прилагалъ къ этому особыя старанія.

Онъ былъ весь поглощенъ въ то время вопросомъ объ отношеніяхъ церкви къ государству и посвятилъ этому предмету свое первое сочиненіе, которое впрочемъ никогда не было напечатано.

Въ 1664 году Локку, безъ всякихъ съ его стороны искательствъ, открылась возможность сдѣлать дипломатическую карьеру; онъ въ качествѣ секретаря сопровождалъ въ Берлинъ англійскаго посла Вальтера Фена. Изъ писемъ его къ друзьямъ, мы видимъ, что онъ поѣхалъ въ Берлинъ скорѣе въ качествѣ туриста и очень мало думалъ о дипломатической карьерѣ.

Локкъ пробылъ на континентѣ около года. Упомянутыя письма его къ друзьямъ отличаются тою наблюдательностью, которая всегда составляла особенность Локка. Обстоятельно и живо описываетъ онъ рѣшительно все, что обращаетъ на себя его вниманіе, начиная съ положенія финансовъ въ Берлинѣ и кончая крестинами одного новорожденнаго берлинца, при которыхъ ему пришлось присутствовать. Въ 1664 году мы застаемъ Локка опять въ Лондонѣ, и намъ остается неизвѣстнымъ, чѣмъ обусловливается его отъѣздъ изъ Берлина. Мы видимъ только, что онъ, не имѣя склонности къ дипломатической карьерѣ, собирается занять мѣсто при посольствѣ въ Испаніи, которое ему настойчиво предлагаютъ. Изъ этого можно заключить, что имъ были довольны въ Берлинѣ, но вѣроятно занятія такого рода пришлись ему самому не по душѣ. Въ концѣ концовъ онъ вѣроятно по той же причинѣ не поѣхалъ въ Испанію, хотя ему видно очень хотѣлось посѣтить эту страну изъ чистой любознательности.

Занимаясь вопросомъ объ отношеніи церкви къ государству, Локкъ познакомился съ вліятельными духовными лицами и близко сошелся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Одинъ изъ его пріятелей занялъ важный постъ въ Дублинѣ и предложилъ ему видное мѣсто въ духовной іерархіи въ Ирландіи. Эта должность какъ нельзя болѣе плѣняла благочестиваго Локка, но скромность его заставила отказаться; онъ считалъ себя въ то время недостаточно къ ней подготовленнымъ.

Намъ извѣстно, что Локкъ имѣлъ большую склонность къ естественнымъ наукамъ; она проявилась у него еще въ ранней молодости; онъ любилъ наблюдать явленія природы и тщательно записывалъ свои наблюденія. Напримѣръ онъ оставилъ дневникъ своихъ наблюденій за измѣненіями состоянія атмосферы отъ 24 іюня 1666 до 28 марта 1667 г. При своихъ наблюденіяхъ Локкъ пользовался барометромъ, термометромъ и гигроскопомъ.

Постоянныя заботы о собственномъ здоровьи рано привели Локка къ изученію медицины. По свидѣтельству современниковъ, онъ вскорѣ же сдѣлался искуснымъ врачемъ, но не желая заниматься медицинской практикой, давалъ совѣты только друзьямъ, и то въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда этого настоятельно требовали; большею же частью онъ пользовался своимъ знаніемъ медицины исключительно для сохраненія своего собствен-

наго здоровья. Несмотря на такое отношеніе къ медицинѣ, слава его была на столько значительна, что знаменитый въ то время врачъ Сиденгамъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ исторіи лѣченія острыхъ болѣзней съ восторгомъ заявляетъ, что одинъ изъ изобрѣтенныхъ имъ способовъ лѣченія *одобренъ* Локкомъ.

Въ 1666 году Локкъ познакомился съ лордомъ Ашли. Поводомъ къ этому знакомству послужила болѣзнь лорда. Ашли пріѣхалъ въ Оксфордъ, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ Тома относительно своей болѣзни; но Тома, уѣзжая въ это время изъ Оксфорда, просилъ друга своего Локка принять на себя лѣченіе лорда и выписать для него минеральныя воды; Локкъ согласился только на послѣднюю просьбу.

Вслѣдствіе независящей отъ Локка случайности воды получились только послѣ пріѣзда Ашли въ Оксфордъ, и Локку пришлось отправиться къ Ашли, чтобы объяснить причину этого замедленія. Лордъ принялъ философа съ своей обычной вѣжливостью и остался какъ нельзя болѣе доволенъ его визитомъ. По просьбѣ Ашли Локкъ остался съ нимъ ужинать и долженъ былъ въ знакъ будущей близости съ лордомъ выпить съ нимъ стаканъ минеральной воды. Такимъ образомъ между ними завязалось знакомство; вскорѣ Ашли полюбилъ Локка и проникся къ нему такимъ довѣріемъ, что не могъ лѣчиться ни у кого другого; онъ довѣрялъ только Локку, несмотря на то, что послѣдній, какъ мы говорили, совсѣмъ не занимался медицинской практикой. И Локкъ какъ нельзя лучше оправдалъ довѣріе лорда. Онъ одинъ угадалъ настоящую причину болѣзни Ашли, посовѣтовалъ ему подвергнуться операціи и тѣмъ спасъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Послѣ такой услуги Ашли не могъ уже разстаться съ Локкомъ; онъ сначала пригласилъ своего медика погостить къ себѣ на лѣто, а потомъ предложилъ ему поселиться въ его домѣ навсегда. Локкъ принялъ это предложеніе, но, не желая оставаться въ долгу у Ашли, продолжалъ лѣчить лорда и всѣхъ членовъ его семьи, сдѣлавшись, такъ сказать, по неволѣ домашнимъ врачемъ. Эта скромная обязанность требовала немного времени и не мѣшала Локку продолжать занятія философіей и естественными науками.

ГЛАВА II.

Отношеніе Локка къ семейству Ашли (Шефтсбюри) —Характеръ и политическая дѣятельность лорда Антонія Ашли.—Вліяніе его на судьбу Локка.—Локкъ секретарь правленія по дѣламъ благотворительности. — Путешествіе Локка. — Окончательное паденіе Ашли, заключеніе и переселеніе въ Голландію.—Локку приходится раздѣлить участь Ашли. — Маколей о Локкѣ

Отношенія Локка къ лорду Ашли, впослѣдствіи графу Шефтсбюри, важны для уясненія многихъ особенностей этихъ двухъ личностей.

Мы говорили, что Локкъ познакомился съ лордомъ Ашли въ 1666 году; ему было тогда 34 года. Въ эти лѣта каждый человѣкъ успѣваетъ къ чему нибудь пристроиться, тянетъ лямку или дѣлаетъ карьеру. Небольшое состояніе, оставленное Локку отцомъ, освободило его отъ первой, отсутствіе же честолюбія отняло стремленіе ко второй. Онъ какъ нельзя лучше пользовался своей свободой для пріобрѣтенія знанія, наблюдалъ жизнь и людей, заботился о своемъ нравственномъ усовершенствованіи и не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія пойти какой-нибудь торной дорогой. Будущій философъ разсѣянно слушалъ похвалы своему уму, глубокому знанію медицины, своей находчивости и не думалъ извлекать изъ всего этого какой нибудь матеріальной пользы для себя лично. Медицинская практика не отвѣчала его склонности къ тихой, созерцательной жизни; общественная жизнь дѣятельность была ему недоступна. Преградой къ ней служилъ его рано опредѣлившійся, независимый образъ мыслей. По своимъ убѣжденіямъ Локкъ несомнѣнно принадлежалъ къ партіи *вигговъ*, однимъ изъ главныхъ вождей которой былъ въ то время Антоній Ашли.

Вигами сперва называли изувѣровъ въ Шотландіи, а по

томъ тѣхъ политиковъ, которые обнаруживали стремленіе противодѣйствовать двору. Антоній Ашли преслѣдовалъ очень опредѣленную цѣль—внутреннюю независимость англійскаго народа и для достиженія ея употреблялъ тѣ средства, которыя оказывались подъ рукою. Локкъ горячо сочувствовалъ этои цѣли, но не могъ примкнуть къ политической партіи и не вникалъ даже въ подробности борьбы... Маколей, въ своей Исторіи Англіи, высказываетъ слѣдующее мнѣніе о лордѣ Ашли Ашли, при сильномъ умѣ и пламенномъ честолюбіи, былъ перемѣнчивъ. Но перемѣнчивость Ашли являлась слѣдствіемъ не легкомыслія, а обдуманнаго эгоизма. Онъ служилъ и измѣнялъ цѣлому ряду правительствъ; но такъ удачно улучалъ время для всѣхъ своихъ измѣнъ, что вопреки всѣмъ переворотамъ его счастіе постоянно возрастало. Толпа удивлялась этому неизмѣнному счастію и приписывала Ашли чудесную силу и божественный пророческій даръ.

Въ воспоминаніяхъ Локка, написанныхъ вскорѣ послѣ смерти Антонія Ашли, этотъ политическій дѣятель выступаетъ передъ нами въ иномъ свѣтѣ; онъ является благороднымъ и смѣлымъ бойцомъ за независимость народа. Къ своему мемуару Локкъ приложилъ три письма лорда Ашли; въ одномъ изъ этихъ писемъ лордъ просилъ Карла II-го выслушать его объясненіе, а не оправданіе, потому что совѣсть его ни въ чемъ не упрекаетъ Онъ всегда дѣйствовалъ открыто, гнушаясь всякихъ интригъ, и имъ руководило только сознаніе своихъ обязанностей относительно Бога, англійскаго народа и короля. Къ сожалѣнію, онъ видитъ, что другіе дѣйствуютъ во имя личныхъ выгодъ, забывая свою отвѣтственность передъ потомствомъ. Письмо это производитъ сильное впечатлѣніе, потому что дышетъ правдой и проникнуто самыми возвышенными чувствами.

Можетъ быть лордъ Ашли измѣнился съ годами, такъ какъ приведенное нами мнѣніе Маколея относится къ молодости лорда, къ тому времени, когда онъ еще не былъ знакомъ съ Локкомъ. Въ другомъ мѣстѣ Маколей слѣдующимъ образомъ описываетъ паденіе Ашли: «Выборы отличались жестокой борьбой. Виги по прежнему составляли большинство палаты общинъ; но уже ясно было, что торійскій духъ быстро распространялся по всей странѣ. Казалось бы, прозорливый и измѣнчивый Ашли долженъ былъ предвидѣть наступавшую перемѣну и согласиться на ком-

промиссъ, предложенный дворомъ, но онъ какъ будто совершенно забылъ свою старинную тактику. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры, которыя на худой конецъ обезпечили бы ему отступленіе, онъ занялъ такое положеніе, въ которомъ необходимо было или побѣдить, или погибнуть. Можетъ быть его голова, какъ ни была она сильна, закружилась отъ популярности, отъ успѣха и отъ задора борьбы; можетъ быть онъ нашпорилъ свою партію до того, что уже не могъ обуздать ее, и въ сущности былъ стремглавъ увлеченъ тѣми, кѣмъ повидимому руководилъ».

Въ этомъ послѣднемъ описаніи мы скорѣе узнаемъ горячаго и увлекающагося Ашли—друга Локка.

Антоній Ашли не былъ исключительно практическимъ дѣятелемъ, онъ въ часы досуга любилъ обсуждать вопросы, относящіеся къ философіи, къ политикѣ и теологіи. Локкъ до знакомства съ Ашли не занимался ни политикой, ни теологіей; его первое сочиненіе имѣло юридическій характеръ. Но Ашли вскорѣ удалось возбудить въ немъ интересъ къ той и другой. Въ короткое время Локкъ настолько овладѣлъ этими предметами, что Ашли пришлось учиться имъ у своего друга. Въ бесѣдахъ съ Локкомъ лордъ Ашли отдыхалъ отъ борьбы, въ которую однако напрасно стремился втянуть Локка. Ашли и Локкъ, хотя и жили много лѣтъ подъ одной кровлей, въ жизни шли разными дорогами. Въ домѣ Ашли Локкъ началъ писать свой знаменитый «Опытъ». Въ то время какъ Ашли домогался всѣми силами власти, Локкъ занимался естественными науками и путешествовалъ. Въ 1668 г. Локкъ сопровождалъ во Францію графа и графиню Нортумберландскихъ. Послѣ же смерти графа онъ возвратился въ Англію ранѣе, чѣмъ предполагалъ и снова поселился въ домѣ лорда Ашли. Лордъ поручилъ ему воспитаніе своего единственнаго сына. И Локкъ ревностно принялся за исполненіе этой новой обязанности. Онъ исполнялъ ее строго, тщательно и съ большимъ увлеченіемъ. Это еще болѣе скрѣпило дружбу Локка и лорда Ашли Молодой лордъ Ашли отличался слабымъ тѣлосложеніемъ, и Локкъ употребилъ все свое знаніе медицины и всю свою опытность, чтобы укрѣпить здоровье юноши. Но все же отецъ боялся за недолговѣчность своего единственнаго сына и желалъ какъ можно скорѣе видѣть его женатымъ. И эта женитьба, какъ и всякое важное событіе въ семейной жизни Ашли, не обошлась безъ участія

Локка. Молодой Ашли былъ въ то время легкомысленъ и неопытенъ, поэтому рѣшено было, что дѣло Локка выбрать ему невѣсту. Разумѣется, во всемъ этомъ высказалась вся глубина довѣрія Ашли къ Локку. Ни лордъ Ашли, ни Локкъ не искали богатой невѣсты, обращая главное вниманіе на физическія, умственныя и нравственныя качества Не мудрено, что при такихъ условіяхъ Локку удалось выбрать красивую, добрую и умную жену своему питомцу. Молодая леди Ашли сверхъ того отличалась хорошимъ образованіемъ и ни въ какомъ отношеніи не была женщиной заурядной.

Въ 1672 году лордъ Ашли былъ сдѣланъ лордомъ Шефтсбюри и вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ канцлеромъ Англіи. Локкъ же, благодаря Ашли, занялъ высокій постъ секретаря правленія по дѣламъ благотворительности. Эту должность Локкъ занималъ до конца 1673 года, т. е. до того времени, когда патронъ его снова впалъ въ немилость, и Локкъ неминуемо долженъ былъ раздѣлить его участь.

Лорда А. Шефтсбюри обвинили въ томъ, что онъ обнародовалъ документы съ цѣлью возбудить народъ противъ католиковъ и обнаружить нѣкоторыя произвольныя дѣйствія двора Эта кратковременная дѣятельность на поприщѣ государственной службы доставила Локку много непривычныхъ безпокойствъ, непріятностей и разстроила его здоровье. Онъ принужденъ былъ на время оставить домъ Ашли и уѣхать во Францію въ Монпелье, гдѣ онъ прожилъ довольно долгое время. Тамъ Локкъ познакомился съ Гербертомъ (впослѣдствіи графомъ Пемброкомъ), которому потомъ посвятилъ свой «Опытъ». Пемброкъ обладалъ талантомъ писать, любилъ науку, но ничего не печаталъ изъ аристократической гордости, составлявшей въ то время отличительную особенность англичанъ. Изъ Монпелье Локкъ отправился въ Парижъ, гдѣ очень близко сошелся съ Юстелемъ, домъ котораго въ то время служилъ убѣжищемъ для всѣхъ ученыхъ скитальцевъ. Въ этомъ гостепріимномъ домѣ Локкъ познакомился съ Генелономъ, знаменитымъ въ то время врачемъ изъ Амстердама, лекціи котораго по анатоміи вызывали общій восторгъ въ Парижѣ; здѣсь же онъ встрѣтилъ извѣстнаго живописца Суаніора, прославшаго ему копію съ одной своей картины; послѣднее доставило большое удовольствіе Локку, по-

тому что онъ любилъ живопись и былъ знатокомъ въ этомъ искусствѣ.

Въ 1679 году лордъ Шефтсбюри опять вошелъ въ милость и занялъ постъ президента совѣта. Пріѣхавъ въ Лондонъ, онъ тотчасъ вызвалъ изъ заграницы Локка, чтобы открыть ему снова возможность общественной дѣятельности, которая однако и на этотъ разъ продолжалась недолго. Лордъ Шефтсбюри отказался исполнить несправедливыя требованія любимцевъ короля; это навлекло на него непріятности и въ концѣ концовъ привело къ окончательному паденію и заключенію на нѣкоторое время въ тюрьму. Получивъ свободу, онъ уѣхалъ въ Голландію; Локкъ же оставался нѣкоторое время въ семействѣ сына Ашли, своего бывшаго ученика. Бракъ послѣдняго оказался какъ нельзя болѣе счастливымъ. Несмотря на слабое здоровье отца, всѣ его семь человѣкъ дѣтей отличались цвѣтущимъ здоровьемъ. Старшій сынъ выдавался необыкновенными дарованіями, и воспитаніе его также было поручено Локку; результатъ этого счастливаго сочетанія обстоятельствъ получился самый блестящій. Внукъ Антонія Ашли сдѣлался современемъ достойнымъ и своего дѣда, и своего учителя; онъ заслужилъ справедливую славу своими философскими сочиненіями, и мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ въ послѣдней главѣ

Положеніе Локка въ Лондонѣ послѣ отъѣзда Шефтсбюри было небезопасно; онъ уѣхалъ въ Оксфордъ; о пребываніи его въ то время въ Оксфордѣ Маколей говоритъ «Локкъ ненавидѣлъ тиранію и преслѣдованія, какъ философъ; его умъ и характеръ предохраняли его отъ насильственныхъ дѣйствій человѣка партіи. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Шефтсбюри и такимъ образомъ подвергся нерасположенію двора. Но онъ былъ такъ благоразуменъ, что не представлялось возможности предать его во власть подкупныхъ и пристрастныхъ трибуналовъ того вѣка. Локкъ жилъ одно время въ Christ-Church при Оксфордскомъ университетѣ, въ качествѣ члена этой коллегіи. Рѣшено было удалить изъ нея величайшаго человѣка, какимъ она могла только гордиться. Это однако не легко было сдѣлать. Локкъ въ Оксфордѣ воздерживался отъ выраженія какихъ бы то ни было мнѣній касательно современной политики Около него оказались шпіоны. Доктора богословія и магистры наукъ не стыдились

исполнять самую унизительную должность — ловить своего товарища на словѣ, чтобы обратить его рѣчь ему на гибель. Разговоры въ общей залѣ были умышленно направляемы на раздражающіе предметы билль объ исключеніи, характеръ графа Шефтсбюри—но напрасно. Локкъ не проговаривался, не притворялся, и хранилъ такое упорное молчаніе и спокойствіе, что заставилъ шпіоновъ сознаться съ досадой, что никогда еще человѣкъ не являлся такимъ полнымъ господиномъ своего языка и своихъ страстей. Когда коварство оказалось недѣйствительнымъ, тогда были пущены въ ходъ сила и произволъ. Послѣ напрасныхъ попытокъ заставить Локка провиниться, рѣшили наказать его безъ вины Получено было повелѣніе исключить его изъ числа членовъ коллегіи.

Послѣ этого исключенія Локкъ уѣхалъ въ Голландію, гдѣ уже находился его другъ Ашли.

Продолжительное пребываніе въ домѣ Ашли открыло Локку возможность вращаться въ обществѣ англійской аристократіи. Это обстоятельство, какъ мы увидимъ, имѣло большое вліяніе въ развитіи многихъ мнѣній Локка. Въ числѣ аристократовъ того времени было много выдающихся, даже замѣчательныхъ людей. Они обращали на себя вниманіе философа и отвлекали его отъ знакомства съ другими классами англійскаго общества. Онъ занимался воспитаніемъ англійскихъ джентльменовъ; ихъ потребности, идеалы и нужды врѣзались въ памяти философа на всю жизнь и оставили глубокіе слѣды въ его философіи. Все это неминуемо должно было нѣсколько съузить его кругозоръ.

Отношеніе къ высокопоставленнымъ людямъ всегда какъ нельзя лучше характеризуетъ человѣка, поэтому мы не можемъ умолчать объ одномъ случаѣ, который даетъ намъ понятіе, какъ держалъ себя Локкъ въ кругу аристократовъ. У лорда Ашли часто собирались гости побесѣдовать, иногда просто поиграть въ карты. Когда Локкъ въ первый разъ появился въ салонѣ своего друга, то его непріятно поразило такое препровожденіе времени. Нѣсколько минутъ онъ молча смотрѣлъ на играющихъ, затѣмъ вынулъ свою карманную книжку и принялся что-то записывать. Это въ свою очередь возбудило любопытство гостей, и одинъ изъ нихъ спросилъ его съ удивленіемъ, что такое онъ пишетъ. Локкъ отвѣчалъ: я стараюсь извлечь изъ вашего общества какъ можно

болѣе для себя пользы: давно уже хотѣлось мнѣ познакомиться съ замѣчательными моими современниками и соотечественниками; наконецъ желаніе мое исполнилось и я счелъ за самое лучшее записать все слышанное мною въ такомъ избранномъ обществѣ. И Локкъ прочиталъ то очень немногое, что слышалъ отъ игравшихъ въ карты. Всѣ поняли его тонкій намекъ и оставили игру. Остроумная шутка оживила все общество и вызвала разговоры и споры.

Изъ приведеннаго нами разсказа видно, что Локкъ не раболѣпно относился къ аристократамъ, а держалъ себя въ высшемъ кругу совершенно свободно. Нѣкоторыя письма его къ вельможамъ и посвященія сочиненій представляютъ намъ эти отношенія въ иномъ свѣтѣ. Мы видимъ, что въ нихъ Локкъ сильно преувеличиваетъ заслуги высокопоставленныхъ лицъ на счетъ своихъ собственныхъ. Но въ то время было принято такъ писать и это нельзя отнести къ характеру Локка, который самъ по себѣ былъ чуждъ всякой лести.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Голландію Локкъ лишился своего друга Ашли, который скончался въ Амстердамѣ въ 1683 году. Можно себѣ представить, какъ эта смерть огорчила Локка Онъ не могъ жить безъ дружбы и, оплакивая своего покойнаго друга, протягивалъ руки новымъ знакомымъ, которые были ему симпатичны, такъ что вскорѣ у него и въ Голландіи образовался кружокъ искреннихъ друзей.

ГЛАВА III

Эмигранты въ Голландіи.—Англійское правительство преслѣдуетъ Локка и подозрѣваетъ въ сообществѣ съ герцогомъ Монмутомъ.—Личность Монмута и его стремленія не имѣютъ ничего общаго съ задачами Локка.—Письма Локка о вѣротерпимости; основаніе учено-религіознаго общества.—Переворотъ въ Англіи въ 1688 г.; вліяніе его на перемѣну въ судьбѣ Локка.—Возвращеніе Локка на родину.—Локкъ на поприщѣ государственной дѣятельности.—Принцъ Оранскій—король Англіи и отношеніе его къ Локку.—Болѣзнь Локка и удаленіе въ графство Эссексъ.

Легко замѣтить, что въ жизни Локка есть нѣчто общее съ жизнью Аристотеля. Намъ невольно бросается въ глаза, что оба философа до пятидесятилѣтняго возраста, занимаясь пріобрѣтеніемъ знаній, наблюденіемъ жизни и воспитаніемъ человѣка, очень мало проявляли свою духовную дѣятельность внѣшнимъ образомъ. И Локкъ, и Аристотель не принимали прямого участія въ политической дѣятельности, но сочувствовали политическимъ дѣятелямъ, увлекаемымъ любовью къ свободѣ, и терпѣли за то преслѣдованія ..

Мы знаемъ, что изъ Оксфорда Локкъ, послѣ тщетной попытки оправдаться, отправился въ Голландію. Въ то время это была страна, въ которой находили убѣжище всѣ гонимые за правду и неправду. Эмигранты искали свободы съ различными цѣлями: одни ради высшихъ интересовъ, другіе для самыхъ мелкихъ интригъ. Чрезвычайное разнообразіе элементовъ эмиграціи открыло Локку возможность изучить въ Голландіи человѣка со всѣхъ сторонъ. Въ Голландіи-же Локкъ нашелъ горячо имъ любимую свободу—безусловную, истинную, неизмѣнную и безпристрастную. (Absolute Liberty, just and true Liberty, impartial Liberty). Локкъ говорилъ, что свобода и спокойствіе, которыми пользуются голландцы, съ избыткомъ вознаграждаетъ ихъ за скудость природы.

По всей вѣроятности и Локкъ, отправляясь въ Голландію, надѣялся тамъ какъ слѣдуетъ воспользоваться спокойствіемъ и свободой для продолженія своего философскаго труда. Въ то время штатгальтеромъ Голландской республики былъ знаменитый Вильгельмъ принцъ Оранскій, внукъ короля Англіи Карла I-го Впослѣдствіи онъ спасъ отъ рабства соединенныя провинціи Голландіи, далъ сильный отпоръ Франціи и установилъ на прочномъ основаніи англійскую конституцію. Вильгельмъ былъ въ высшей степени преданъ дѣлу республики и неустанно обращался къ генеральнымъ штатамъ съ возвышенными рѣчами, ими онъ поднималъ и воспламенялъ національный духъ. Лично къ Локку принцъ Оранскій отнесся какъ нельзя лучше. Изгнанниковъ, пріютившихся въ то время въ Голландіи, можно раздѣлить на три класса: одни, какъ Шефтсбюри, усталые, измученные, умирали спокойно или мирно доживали свой вѣкъ; другіе, какъ Локкъ, пользовались относительнымъ спокойствіемъ, чтобы создавать свои великія произведенія и выражать свободно свои завѣтныя мысли. Извѣстно, что въ Голландіи Локкъ написалъ свои знаменитыя «Письма о вѣротерпимости» и основалъ учено-религіозное общество, первое правило котораго состояло въ томъ, что каждый членъ долженъ любить и уважать всякаго человѣка, не обращая вниманіе на его религію и національность. Такіе мудрецы, какъ Локкъ, не пользовались свободой для мести и поправленія своихъ личныхъ дѣлъ; но мудрецовъ разумѣется было не много; большая часть изгнанниковъ принадлежала къ заговорщикамъ, имѣвшимъ въ виду выгодные для нихъ политическіе перевороты; самымъ вліятельнымъ изъ эмигрантовъ послѣдняго класса и въ то же время самымъ выдающимся былъ безспорно герцогъ Монмутъ, незаконный сынъ Карла II-го. Онъ одно время дѣйствовалъ сообща съ партіей виговъ, къ которымъ принадлежалъ Шефтсбюри, другъ Локка. Это дало поводъ правительству подозрѣвать Локка въ сношеніяхъ съ Монмутомъ. Мы говорили уже, какой характеръ имѣло участіе Локка въ политической дѣятельности Шефтсбюри, съ которымъ Локкъ былъ связанъ узами дружбы. Съ Монмутомъ же у Локка не могло быть ничего общаго. Самое поверхностное знакомство съ личностью Монмута должно какъ нельзя лучше убѣдить насъ въ этомъ. Монмутъ, какъ любимый сынъ Карла II-го, пользовался въ юно-

сти всѣми преимуществами королевскаго принца. Его наружность была не только красива, но и необыкновенно привлекательна, его характеръ былъ мягокъ, его обращеніе съ людьми было изысканное и ласковое. Ему многое прощали и извиняли даже строгіе пуритане. Нѣкоторые утверждали, что Карлъ былъ когда-то женатъ на красивой матери Монмута, и держался упорный слухъ о какой-то черной шкатулкѣ, гдѣ хранился брачный документъ. Самъ король оффиціально отвергалъ эту басню, но ему не вѣрили. Во всѣ времена существовали любимцы толпы, способные кружить головы. Монмутъ во многомъ напоминалъ древняго Алкивіада Не трудно отыскать также сходство Монмута съ графомъ Эссексомъ, покровителемъ Бэкона. Замѣтимъ кстати, что это повтореніе личностей часто встрѣчается въ исторіи, а потому невольно вѣришь Шопенгауэру, что тѣ вишни, которыя мы разъ съѣли, опять будутъ висѣть на деревьяхъ. .

Въ Англіи шла жестокая борьба между парламентомъ и короной, между протестантствомъ и католичествомъ Любимцы толпы, какъ Монмутъ, всегда дѣйствуютъ ради *своихъ* интересовъ, толпа же часто причисляетъ ихъ къ мученикамъ за общее дѣло. Монмута считали *мученикомъ*, погибшимъ за протестантскую вѣру; послѣ его казни, въ его крови мочили платки и берегли какъ святыню. Между тѣмъ Монмутъ въ послѣднія минуты своей жизни только и думалъ о свой возлюбленной леди Вентвортъ и погибъ, добиваясь короны, потому что *ей* такъ хотѣлось видѣть *его* королемъ. Власть Монмута надъ сердцами продолжалась до тѣхъ поръ, пока не вымерло то поколѣніе, которое его видѣло и знало. Ленты, пряжки и другія мелкія принадлежности его туалета хранились какъ драгоцѣнность. Многіе продолжали думать, что онъ все еще живъ и опять явится; сложилась извѣстная легенда о «желѣзной маскѣ» и даже Вольтеру пришлось серьезно опровергать предположеніе, что человѣкъ въ желѣзной маскѣ былъ герцогъ Монмутъ.

Локкъ конечно какъ нельзя лучше понималъ, какія пружины руководили дѣйствіями Монмута, и употребилъ всѣ усилія доказать, что у нихъ съ Монмутомъ были разные пути, какъ и со всѣми тѣми, которыми руководили личныя побужденія. Истинными защитниками протестантской религіи были конечно не такіе люди, какъ Монмутъ, а такіе—какъ Локкъ, но толпа послѣднихъ, разумѣется, не замѣчала.

Въ 1685 г. герцогъ Монмутъ со своей партіей поселился въ Голландіи и началъ приготовленія для своего несчастнаго предпріятія, которое впослѣдствіи привело его на эшафотъ. Англійское правительство, узнавъ объ его заговорѣ, тотчасъ послало предписаніе своему посланнику въ Гагѣ требовать выдачи нѣсколькихъ изъ подозрѣваемыхъ имъ англійскихъ подданныхъ, въ томъ числѣ и Локка. Леклеркъ, хорошо знавшій Локка, утверждаетъ, что философъ тогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ герцогомъ Монмутомъ и не вѣрилъ въ успѣхъ его предпріятія. Сверхъ того Локкъ по природѣ своей былъ въ этомъ отношеніи нерѣшителенъ и держался въ сторонѣ отъ всякихъ заговоровъ. Въ концѣ 1684 г. Локкъ находился въ Утрехтѣ; онъ пріѣзжалъ въ Амстердамъ только на короткое время съ намѣреніемъ снова уѣхать въ Утрехтъ для того, чтобы его какъ нибудь не включили въ число заговорщиковъ Въ Амстердамѣ же онъ узналъ, что требуютъ его выдачи, и ему поневолѣ пришлось скрываться. Сначала онъ имѣлъ намѣреніе поселиться вмѣстѣ съ Генелономъ; Генелонъ принялъ его очень радушно, но сказалъ, что у нихъ не въ обычаѣ брать въ свой домъ постороннаго человѣка. Потомъ, когда Генелонъ узналъ, какая опасность грозитъ Локку, то принялъ дѣятельное участіе въ положеніи философа; онъ упросилъ своего тестя взять къ себѣ Локка,—и Локкъ пробылъ у послѣдняго два-три мѣсяца. Друзья Локка навели между тѣмъ справки у одного правительственнаго лица относительно грозившей ему опасности и узнали, что правительство выдастъ Локка по требованію короля Англіи въ томъ случаѣ, конечно, если такое требованіе будетъ имѣть достаточное основаніе. Такъ какъ серьезнаго основанія не было, то Локкъ продолжалъ жить въ Амстердамѣ, однако изъ предосторожности выходилъ изъ дома только по ночамъ. Въ концѣ года онъ переѣхалъ жить къ Генелону и только въ 1686 г, началъ снова показываться днемъ, потому что только къ этому времени окончательно выяснилось, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ замыслами герцога. И въ это-то смутное время своей жизни Локкъ написалъ и напечаталъ свои письма «о вѣротерпимости», въ которыхъ говоритъ между прочимъ: «Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ изъ чувства милосердія заставлялъ кого-либо пытками принять ту или другую вѣру. Если бы Богъ хотѣлъ силою обратить людей въ какую нибудь вѣру, то послалъ бы Христа съ легіонами ангеловъ не-

бесныхъ, а не слишкомъ ревностнаго сына церкви съ его драгунами» *). Эти письма были съ восторгомъ встрѣчены въ Голландіи, но Оксфордское духовенство отвѣтило на нихъ памфлетами; на два изъ памфлетовъ Локкъ счелъ нужнымъ отвѣтить, защищая вѣротерпимость съ непобѣдимою силой. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого появился новый памфлетъ на тѣ же письма. Локкъ въ то время былъ сильно боленъ. Несмотря на то, въ отвѣтъ на послѣдній памфлетъ онъ началъ писать свое четвертое письмо о вѣротерпимости, которое осталось однако не оконченнымъ. Капитальное сочиненіе Локка «Опытъ изслѣдованія человѣческаго разума» также приближалось къ своему концу. Онъ самъ сдѣлалъ изъ него краткое извлеченіе въ концѣ 1687 г. Леклеркъ перевелъ его на французскій языкъ и напечаталъ въ своей «Библіотекѣ». Это извлеченіе заслужило громкое одобреніе людей знающихъ и друзей истины и возбудило въ нихъ сильное желаніе видѣть поскорѣе напечатаннымъ все сочиненіе.

Въ 1688 г. въ Англіи произошелъ большой переворотъ, имѣвшій счастливый исходъ, благодаря храбрости и великодушію принца Оранскаго. Это важное событіе открыло и Локку возможность вернуться въ свое отечество, онъ пріѣхалъ въ Англію на одномъ кораблѣ съ принцессой Оранской Тотчасъ же по прибытіи въ отечество Локкъ сталъ добиваться нѣкоторыхъ несправедливо отнятыхъ у него гражданскихъ правъ. Какъ бывшій студентъ Оксфордскаго университета, онъ имѣлъ право на помѣщеніе въ зданіи этого учрежденія, но былъ, какъ мы видѣли, лишенъ его безъ всякаго основанія. Философъ не нуждался въ этомъ помѣщеніи и не думалъ когда либо имъ воспользоваться, но хотѣлъ добиться возвращенія *произвольно* отнятаго права. Однако, когда онъ пріѣхалъ въ Оксфордъ и увидѣлъ, съ какимъ предубѣжденіемъ относилась къ нему вся коллегія, то не пожелалъ возстановленія упомянутаго права. Онъ былъ радъ, что его не преслѣдовали болѣе, что никто ни въ чемъ его не подозрѣвалъ и ему не приходилось скрываться. Это уже само по себѣ доставляло ему такое душевное спокойствіе, какимъ онъ давно не пользовался; съ большимъ рвеніемъ принялся онъ снова за свои философскіе труды, которые создали ему неувядаемую славу. Въ 1689 г. Локкъ

*) Намекъ на Людовика XIV.

окончилъ свой «Опытъ» въ домѣ наслѣдниковъ Антонія Шефтсбюри. Появленіе въ свѣтъ этого сочиненія было настоящимъ событіемъ въ Англіи, гдѣ въ то время высоко цѣнились умственные интересы и текла свободная жизнь... На одномъ митингѣ въ Оксфордѣ было рѣшено всячески содѣйствовать распространенію этого сочиненія Локка, въ которомъ съ поразительной ясностію высказывались мысли, болѣе или менѣе сознаваемыя всѣми. Такимъ образомъ, Локку отдали наконецъ должное почтеніе его соотечественники. При такихъ условіяхъ и при расположеніи къ нему новаго правительства, Локкъ могъ разсчитывать на высокій постъ, но удовольствовался скромной судейской должностью съ небольшимъ содержаніемъ.

Правительство употребило всѣ усилія привлечь Локка къ широкой дѣятельности на поприщѣ государственномъ; ему предлагали мѣсто посланника въ Россіи или Берлинѣ, но онъ отказался отъ всѣхъ предложеній такого рода вслѣдствіе своего слабаго здоровья.

Въ 1689 г. Локкъ написалъ трактатъ о правленіи, въ которомъ явился защитникомъ англійской революціи 1688 г., изложивъ правдиво и ясно ея основанія и результаты.

Продолжительное отсутствіе изъ Англіи нисколько не уменьшило участія Локка ко всему, что совершалось въ его отечествѣ, напротивъ, онъ зорко слѣдилъ за всѣми явленіями частной и общественной жизни, причемъ вскорѣ замѣтилъ неурядицу въ финансовомъ дѣлѣ, которая вредно отражалась на торговлѣ и часто обманывала разсчеты частныхъ лицъ. Локкъ предвидѣлъ гибельныя слѣдствія этой финансовой неурядицы, настолько безпокоившей его, что онъ безпрестанно говорилъ о ней съ друзьями, и наконецъ рѣшился обратить на это вниманіе парламента.

Три небольшія сочиненія Локка «о монетномъ дѣлѣ въ Англіи и его улучшеніи» обнаруживаютъ хорошее знакомство автора съ вопросами торговли и политической экономіи. Эти труды Локка оказались какъ нельзя болѣе своевременными и принесли много пользы Англіи; но они также, какъ все новое, вызвали большую бурю въ финансовомъ мірѣ и множество возраженій; послѣднія однако были блистательно опровергнуты Локкомъ.

Правительство выразило свою признательность и довѣріе къ Локку, предложивъ ему должность министра торговли и колоній,

которую онъ и занималъ до тѣхъ поръ, пока разстроенное его здоровье не потребовало удаленія изъ Лондона. Припадки его застарѣлой болѣзни, астмы, настолько усилились, что принудили его просить отставки у короля. Эта просьба очень огорчила Вильгельма; трудно было замѣнить Локка кѣмъ нибудь другимъ. Король просилъ его не оставлять этой должности, но посвящать ей столько времени, сколько позволяло его здоровье; онъ разрѣшалъ Локку жить въ деревнѣ и только на время пріѣзжать въ Лондонъ. На все это Локкъ отвѣчалъ, что собственная совѣсть не позволяетъ ему занимать видный постъ и получать большое содержаніе, когда онъ уже не въ силахъ какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности; онъ остался при своемъ рѣшеніи. Вильгельмъ питалъ безграничное уваженіе къ Локку, часто бесѣдовалъ съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ и высоко цѣнилъ его совѣты. Локку наконецъ открылась возможность государственной дѣятельности, но лишь въ тѣ годы, когда ему уже замѣтно начали измѣнять физическія силы.

Онъ успѣлъ однако доказать, какія великія услуги имъ были бы оказаны Англіи, если бы эта возможность представилась ему ранѣе. Характеръ этой дѣятельности также совершенно опредѣлился; она отличалась удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, отсутствіемъ всякаго честолюбія и мелкаго самолюбія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Вильгельмъ Оранскій былъ единственный государь Англіи, сумѣвшій понять и оцѣнить Локка. Предшественникъ его Іаковъ II-й былъ заклятымъ врагомъ этого философа. Въ первые дни вступленія на престолъ Іакова Пенну удалось было расположить его въ пользу Локка; король соглашался даже позволить философу занять каѳедру въ Оксфордскомъ университетѣ. Пеннъ написалъ Локку въ Голландію объ этой милости короля, который готовъ его простить и т. д. На это Локкъ отвѣчалъ Пенну, что правительству нѣтъ основанія его прощать, такъ какъ не было причины его наказывать. Такой отвѣтъ вооружилъ противъ Локка правительство; его стали считать врагомъ династіи Стюартовъ и подозрѣвали, какъ мы видѣли, въ заговорахъ противъ правительства.

Вильгельмъ Оранскій понималъ Локка, потому что самъ былъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновеннымъ. Онъ былъ полонъ какой-то торжественной печали и мужества, которому

нипочемъ превратности счастья и опасности. Умъ его исключительно былъ занятъ вопіющими нуждами своего народа Онъ мало интересовался литературою и наукою. Открытія Ньютона были такъ же ему неизвѣстны, какъ и стихотворенія Буало. Онъ любилъ полезныя вещи и цѣнилъ только дѣловыхъ и практическихъ людей. Здравый смыслъ Локка нравился Вильгельму какъ нельзя болѣе, и внушалъ большое довѣріе и уваженіе; поэтому онъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращался за совѣтомъ къ философу.

Локкъ какъ нельзя лучше воспользовался довѣріемъ короля и въ одномъ изъ такихъ задушевныхъ разговоровъ открыто высказалъ ему мнѣніе объ университетскомъ образованіи, которое въ то время сильно нуждалось въ реформѣ; Локкъ выяснилъ королю также весь вредъ схоластическаго направленія въ наукѣ.

Вильгельмъ Оранскій, хотя и былъ ревностный кальвинистъ, отличался большою терпимостью, совершенно раздѣляя взгляды Локка на этотъ предметъ. Въ 1695 г. Локкъ написалъ сочиненіе о разумности христіанской религіи, которое вовлекло его снова въ политику и возбудило опять ненависть къ нему схоластиковъ. Оксфордскій университетъ постановилъ по возможности препятствовать распространенію сочиненій Локка.

Здоровье Локка замѣтно ухудшалось; жизнь въ Лондонѣ была не только ему вредна, но совершенно невыносима. Онъ принужденъ былъ оставить домъ Шефтсбюри и поселиться гдѣ нибудь въ деревнѣ. Друзья наперерывъ предлагали ему свои услуги; всѣ считали за счастье и честь пріютить у себя «великаго странника» и предоставить ему всѣ удобства къ жизни. Выборъ Локка остановился на Уайтѣ, мѣстечкѣ въ графствѣ Эссексъ; тамъ поселился онъ въ домѣ рыцаря Мешемъ, за которымъ была замужемъ дочь его друга Кудворта, извѣстнаго сочиненіями духовнаго содержанія.

Итакъ Локку пришлось оставить Лондонъ въ то время, когда философъ такъ необходимъ былъ своему государю и Англіи.

ГЛАВА IV.

Леди Мешемъ.—Переписка ея съ Лейбницемъ о взглядахъ Локка.—Локкъ и Ньютонъ. — Послѣдніе годы жизни Локка.—Кончина Локка —Эпитафія. Костъ о характерѣ Локка.—Переписка и дневники Локка —Происхожденіе его „Опыта".—Предисловіе къ 6-му изданію „Опыта".

Мы приближаемся къ послѣднимъ годамъ жизни Локка. Этого философа нельзя причислить къ мученикамъ науки и убѣжденій, если подъ именемъ мученій разумѣть смертную казнь и такія страданія, отъ которыхъ, какъ говорится, *волосъ становится дыбомъ*. Однако изъ того, что сказали мы здѣсь, не трудно понять, какъ много выпало на долю Локка страданій въ жизни. Внѣшнія условія долго лишали его возможности приносить пользу людямъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ это было ему желательно. Разумѣется, многое зависѣло отъ него самого. Онъ не способенъ былъ добиваться этой возможности хитростью и насиліемъ. Мы видѣли, что Локкъ только въ крайнемъ случаѣ *укрывался* отъ бурь житейскихъ, но изъ оборонительнаго положенія никогда не переходилъ въ наступательное.

Занятія естественными науками и философіей безспорно доставляли ему удовольствіе, но онъ видѣлъ въ нихъ не цѣль, а средство быть полезнымъ своимъ ближнимъ.

Это обстоятельство имѣло на него большое вліяніе. Онъ больше нуждался въ дружбѣ, чѣмъ геніи, одаренные въ высшей степени творческой силой, и меньше ихъ вѣрилъ въ свою непогрѣшимость. Но за то онъ лишенъ былъ того вдохновенія, которое такъ скрашиваетъ жизнь. Чѣмъ старше и болѣзненнѣе становился Локкъ, тѣмъ конечно болѣе нуждался въ заботахъ и попеченіи людей, съ которыми жилъ. Леди Мешемъ вполнѣ за-

мѣнила ему дочь и ей безспорно принадлежитъ видное мѣсто въ біографіи философа.

Дочь Кудворта получила самое строгое религіозное воспитаніе; оно рано пріучило дѣвушку серьезно относиться къ жизни и къ ея задачамъ. Любовь къ умственному труду пробудилась въ ней еще въ юности; въ тѣ годы, когда другія дѣвушки думаютъ только о развлеченіяхъ и нарядахъ, она изучала философію и внимательно вслушивалась въ серьезные разговоры собесѣдниковъ своего отца. Она была очень хороша собой и отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, но въ улыбкѣ ея было какое-то недосказанное или, вѣрнѣе, безсознательное презрѣніе. Она вообще очень гуманно относилась къ людямъ, но ее слишкомъ возмущало все ложное, безнравственное—все, что она такъ ясно видѣла своими холодными, проницательными глазами. Идеи Локка плѣняли ея умъ и его благочестіе внушало ей глубокое уваженіе. Такіе люди, къ которымъ принадлежала леди Мешемъ, любятъ въ жизни своей очень немногихъ, но глубоко преданы тѣмъ, кого любятъ. Занимаясь философіей, леди Мешемъ никогда не думала посвятить себя ей всецѣло и сдѣлаться ученой; она какъ и всѣ женщины вышла замужъ, но устроила свой домашній бытъ согласно своимъ идеямъ, въ ея домѣ царствовало строгое благочестіе; дѣтей своихъ она воспитывала въ духѣ Локка; ей посвятилъ философъ послѣднее изданіе своихъ «Мыслей о воспитаніи». Жизнь въ домѣ Мешемъ вполнѣ соотвѣтствовала вкусу и характеру Локка; къ тому же онъ былъ самымъ уважаемымъ членомъ этой семьи.

Послѣдніе годы его жизни прошли вполнѣ безмятежно. Онъ не только пожиналъ заслуженные лавры, но сознавалъ, что принесъ большую пользу человѣчеству, и это сознаніе было ему дорого и свято; въ домѣ Мешемъ все было проникнуто его вліяніемъ и онъ могъ видѣть и оцѣнить всѣ благотворныя его послѣдствія.

Въ кореспонденціи Лейбница съ королевой прусской Софіей-Шарлоттой мы находимъ письмо королевы, начинающееся словами: «Я читаю сочиненія Локка» и письмо Лейбница, заключающее критику философіи Локка въ письмѣ къ леди Мешемъ. Софія-Шарлотта пришла въ восторгъ отъ философіи Локка, и можно предположить, что Лейбницъ по ея желанію вошелъ въ переписку съ леди Мешемъ. Дочь Кудворта воспользовалась этимъ

случаемъ, чтобы послать Лейбницу сочиненія своего отца. На письма же его, заключавшія критику воззрѣній Локка, она отвѣтила строгой критикой взглядовъ ганноверскаго философа, которые, оказалось, ей какъ нельзя лучше были знакомы. Проникнутая взглядами своего друга Локка, она называетъ мысли Лейбница гипотезами. Лейбницъ написалъ еще два письма леди Мешемъ въ защиту своихъ собственныхъ воззрѣній; въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ говоритъ «Вы правы я ставлю гипотезы, но онѣ подтверждаются опытомъ». Эта переписка Лейбница съ леди Мешемъ относится къ 1703 году; Локкъ въ то время былъ настолько уже слабъ, что не могъ защищать своихъ мыслей. Леди Мешемъ писала Лейбницу у постели своего умирающаго друга. Письмо ея содержитъ въ себѣ многія замѣчанія на философію Лейбница, которыя потомъ были высказаны Гете

Можно предположить, что по своему образованію, уму и строгой нравственности леди Мешемъ представляла въ то время блестящее исключеніе изъ англичанокъ, о которыхъ Маколей говоритъ слѣдующее «Въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія образованіе женскаго ума, кажется, было въ совершенномъ пренебреженіи. Если дѣвица имѣла малѣйшее понятіе о литературѣ, на нее смотрѣли какъ на чудо. Благородныя, благовоспитанныя и умныя отъ природы женщины не могли написать строчки на своемъ родномъ языкѣ безъ такихъ синтаксическихъ и орфографическихъ ошибокъ, какихъ теперь постыдилась бы даже ученица школы для бѣдныхъ. Королева Марія была прекрасно одарена отъ природы, страстно любила исторію и поэзію и пользовалась у весьма замѣчательныхъ людей репутаціей превосходно образованной женщины. Однако въ Гагской библіотекѣ есть великолѣпная англійская библія, которая была поднесена Маріи во время ея коронаціи въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. На заглавномъ листѣ находится слѣдующая собственноручная надпись королевы: This book was given the king and I, at our crownation. Marie. (Сія книга была дана король и я, во время нашей коронаціи).

Итакъ уровень женскаго образованія былъ въ то время очень низокъ; и опаснѣе было стоять выше этого уровня, нежели ниже его. Крайнее невѣжество и легкомысліе считались въ женщинѣ менѣе неприличными, нежели легчайшій оттѣнокъ педантства.

Письма Лейбница къ леди Мешемъ Локкъ переслалъ во Францію другу своему Молине.

Самъ же онъ говоритъ о нихъ не много. Изъ письма Локка къ Коллинзу видно, что Лейбницъ до того времени былъ ему извѣстенъ только какъ математикъ, и онъ относился не особенно дружелюбно къ этому ганноверскому математику, вѣроятно подъ вліяніемъ Ньютона, съ которымъ близко сошелся по возвращеніи своемъ изъ Голландіи въ Англію. Локкъ очень дѣятельно переписывался съ Ньютономъ во время своего отсутствія изъ Лондона. Ньютонъ тогда находился въ ненормальномъ состояніи, но нельзя сказать, чтобы *всѣ* письма его къ Локку носили отпечатокъ безусловнаго помѣшательства,—нѣкоторыя изъ нихъ отличаются только большою нервностью. Въ одномъ изъ писемъ Ньютонъ извиняется передъ Локкомъ въ томъ, что несправедливо заподозрилъ его въ желаніи обидѣть. Въ этомъ письмѣ выражается глубокое душевное страданіе, которое производитъ удручающее впечатлѣніе. Но въ числѣ подобныхъ писемъ мы находимъ одно, въ которомъ Ньютонъ ясно излагаетъ математическое доказательство законовъ Кеплера, отличное отъ находящагося въ его «Началахъ».

Письма Локка къ Ньютону напоминаютъ отношенія врача къ больному; они пропикнуты мужественнымъ состраданіемъ, которое выражается въ спокойномъ осторожномъ опроверженіи сумасбродныхъ мыслей омраченнаго генія.

Въ домѣ Мешемъ Локкъ подружился съ французомъ Костомъ, о которомъ мы уже упоминали и который провелъ семь лѣтъ въ домѣ рыцаря Мешемъ. Онъ имѣлъ полную возможность какъ нельзя лучше изучить характеръ Локка и зналъ хорошо всѣ обстоятельства послѣднихъ лѣтъ жизни этого философа.

Костъ говоритъ, что Локкъ въ это время очень дѣятельно занимался изданіемъ своего «Опыта» и другихъ сочиненій. «Опытъ» выдержалъ шесть изданій при жизни Локка. Философъ тратилъ также много времени на переписку съ друзьями, которыхъ у него было такъ много въ Англіи, въ Голландіи, во Франціи. Лондонскіе знакомые нерѣдко навѣщали его въ домѣ Мешемъ, и чаще всѣхъ его бывшій ученикъ, философъ Шефтсбюри. Свои досуги Локкъ проводилъ въ занятіяхъ садоводствомъ; онъ копалъ грядки въ саду, сажалъ и сѣялъ, насколько позволяли ему его слабыя силы. Незадолго до своей смерти Локкъ однажды сидѣлъ въ саду вмѣстѣ съ Костомъ. Солнце сильно пекло, и это

доставляло большое удовольствіе Локку. Онъ поворачивался то той, то другой стороной къ солнцу.

Въ это время по какому-то поводу Костъ заговорилъ о Горацiѣ и припоминалъ слѣдующія слова поэта, относящіяся къ нему самому: «Лучи солнца дѣйствуютъ успокоительно на того, кто, какъ я, отличается горячимъ темпераментомъ». Локкъ замѣтилъ, что если ему позволительно проводить параллель между нимъ и Горацiемъ, то онъ сравнилъ бы себя съ поэтомъ въ этомъ отношеніи. Въ этихъ словахъ Локкъ проявилъ свою обычную скромность. Горація же онъ ставилъ очень высоко и считалъ его самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ временъ Августа, потому что только Горацій сумѣлъ остаться чуждымъ тщеславія и корыстолюбія и могъ умѣрять свои желанія. Локкъ говорилъ: «я уважаю Горація за то, что онъ, состоя въ дружбѣ съ самыми вліятельными людьми, никогда и ни въ чемъ отъ нихъ не зависѣлъ».

Костъ находился въ Англіи во время кончины Локка. Въ своемъ письмѣ къ Леклерку, издателю Nouvelles de la Republique des lettres, онъ такъ описываетъ послѣдніе дни и минуты Локка: «Около пяти часовъ вечера (27 октября 1704 г.) у Локка появилась испарина вмѣстѣ съ такою слабостью, что можно было опасаться за его жизнь; Локку и самому это опасеніе приходило въ голову; онъ просилъ не забыть его на вечерней молитвѣ. Леди Мешемъ спросила, не желаетъ ли онъ, чтобы въ этотъ день всѣ вмѣстѣ молились вечеромъ въ его комнатѣ. Локкъ отвѣчалъ, что это было бы ему очень пріятно, если бы никому не надѣлало хлопотъ. Послѣ молитвы онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій на случай своей смерти, сохраняя большое присутствіе духа, и долго говорилъ о благости Божіей. Локкъ благодарилъ Бога главнымъ образомъ за то, что ощущалъ его въ душѣ своей. Онъ совѣтовалъ окружающимъ какъ можно ревностнѣе исполнять свои человѣческія обязанности. За нѣсколько дней передъ тѣмъ философъ писалъ своему бывшему ученику и другу Коллинзу, что находитъ утѣшеніе только въ воспоминаніи о тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя сдѣлалъ онъ въ жизни. Спокойную совѣсть и вѣру въ будущую жизнь Локкъ считалъ единственными условіями счастія».

«Локкъ какъ нельзя болѣе любилъ своихъ ближнихъ. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ почти лишился слуха, это было

для него величайшимъ несчастіемъ. Философъ въ отчаяніи писалъ одному изъ своихъ друзей, что согласился бы лучше ослѣпнуть, чѣмъ оглохнуть, такъ какъ глухота мѣшаетъ ему бесѣдовать съ людями».

Наканунѣ же своей смерти Локкъ сказалъ леди Мешемъ: я убѣжденъ въ томъ. что земная жизнь есть только приготовленіе къ лучшей жизни. Я не мало таки пожилъ на свѣтѣ и, благодарю Бога, былъ счастливъ, но все же на эту жизнь смотрю какъ на нѣчто само по себѣ суетное и пустое». Къ почи ему сдѣлалось значительно хуже; на другой день утромъ его посадили въ кресло и перенесли въ рабочій кабинетъ Отдохнувъ немного, онъ велѣлъ себя одѣть и попросилъ леди Мешемъ, читавшую про себя псалмы, читать ихъ вслухъ; она тотчасъ исполнила его желаніе, и онъ внимательно слушалъ ея чтеніе до самой своей кончины. Локкъ умеръ 28 октября 1704 года, на 73-мъ году своей жизни. Друзья похоронили философа поблизости его послѣдняго жилища и памятникъ его украсили слѣдующей эпитафіей, написанной по латыни:

«Остановись прохожій! Здѣсь лежитъ Джонъ Локкъ. Если ты спросишь, что это былъ за человѣкъ, этотъ памятникъ отвѣтитъ тебѣ: Локкъ былъ человѣкъ, умѣвшій довольствоваться немногимъ. Онъ воспитанъ былъ наукой и зашелъ такъ далеко, что могъ служить только одной истинѣ. Ты убѣдишься въ этомъ, изучая его сочиненія, изъ нихъ ты узнаешь о немъ болѣе, чѣмъ изъ хвалебныхъ рѣчей. Его добродѣтели спорили съ его скромностью, и онъ не рѣшился бы поставить себя за образецъ тебѣ. его недостатки погребены вмѣстѣ съ нимъ» и т. д.

Эта эпитафія, по всей вѣроятности, написана леди Мешемъ. Въ приведенномъ нами письмѣ Коста къ Лекрерку мы находимъ также нѣсколько страницъ, относящихся къ выясненію характера Локка. которыми мы также воспользуемся здѣсь. Костъ набросалъ объ этомъ нѣсколько страницъ въ двухъ письмахъ.

«Вы слышали,—пишетъ Костъ,—о смерти знаменитаго Локка. Смерть есть нашъ общій удѣлъ! Локка же оплакиваютъ всѣ добрые люди, всѣ искренніе служители истины, знавшіе характеръ этого философа. Дѣйствія его главнымъ образомъ были направлены ко благу человѣчества. И я сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь другой изъ его современниковъ глубже сознавалъ свое благородное назначеніе и выполнилъ его съ большимъ совершенствомъ. Любовь

къ истинѣ проявлялась во всѣхъ его поступкахъ. Онъ искренно говорилъ, что истина была всегда ему дороже его собственныхъ взглядовъ и мнѣній; этимъ обусловливалось его кроткое, терпѣливое отношеніе къ критикѣ тѣхъ и другихъ. Такое отношеніе къ истинѣ, по мнѣнію Коста, принесло не менѣе пользы, чѣмъ блестящій геній Локка.

Обладая огромнымъ знаніемъ свѣта и условій жизни, Локкъ отличался большой осторожностью, никогда не переходившей въ трусливость. Онъ представлялъ къ услугамъ каждаго свою житейскую мудрость, свою опытность и свое знаніе, и сверхъ того служилъ самъ для всѣхъ поучительнымъ примѣромъ.

Локкъ всегда былъ готовъ войти въ положеніе другого и дать хорошій совѣтъ Однако онъ въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію, что хорошіе совѣты мало способствуютъ развитію въ людяхъ осмотрительности. И съ каждымъ годомъ философъ становился въ этомъ отношеніи все сдержаннѣе. «Я часто слышалъ отъ Локка, говоритъ Костъ,—что когда онъ въ первый разъ узналъ мнѣніе о безполезности совѣтовъ, то оно въ высшей степени его поразило, но впослѣдствіи опытъ убѣдилъ его въ этой несомнѣнной истинѣ». Разумѣется, подъ именемъ подобныхъ совѣтовъ Локкъ разумѣлъ главнымъ образомъ непрошенныя наставленія. Несмотря на такое убѣжденіе, Локкъ часто не могъ ему слѣдовать; участіе къ людямъ заставляло его вмѣшиваться въ ихъ дѣла; природная доброта брала верхъ надъ сдержанностью. Онъ останавливалъ, поучалъ, предостерегалъ, убѣждалъ, воодушевлялъ и укрѣплялъ людей въ добрыхъ намѣреніяхъ. Если же кто нибудь искренно желалъ его совѣта, философъ конечно удвоивалъ свое усердіе, и никому въ этомъ случаѣ не приходилось раскаяваться.

Онъ отличался чрезвычайной живостью ума и темперамента; увлекающійся характеръ и горячее искреннее отношеніе къ людямъ не позволяли ему стоять въ сторонѣ отъ жизни.

Локкъ преимущественно любилъ мысли, заключающія въ себѣ что нибудь полезное для людей, и умъ его главнымъ образомъ былъ занятъ такими идеями; онъ любилъ развивать свои воззрѣнія въ бесѣдахъ съ друзьями. Большую часть времени философъ отдавалъ серьезнымъ и важнымъ занятіямъ, а меньшую посвящалъ самымъ разнообразнымъ благороднымъ удовольствіямъ, предпочитая всѣмъ общество образованныхъ и остроумныхъ людей.

Многосторонняя жизнь Локка и путешествія обогатили его память множествомъ интересныхъ фактовъ и эпизодовъ. Локкъ обладалъ особеннымъ искусствомъ разсказывать занимательно и живо Его шутки и остроты всегда отличались незлобивостью и тонкостью. Никто лучше Локка не могъ понять и оцѣнить внѣшнія условія и приноровиться къ нимъ, а эта гибкость особенно проявлялась въ сношеніяхъ его съ людьми другихъ профессій: съ садовникомъ онъ толковалъ о садоводствѣ, съ ювелиромъ о драгоцѣнныхъ камняхъ; съ химиками—о химіи и т. д. Вслѣдствіе такой способности, онъ нравился рѣшительно всѣмъ, особенно тѣмъ, кто могъ говорить только о своей спеціальности. Во первыхъ такихъ людей восхищало вниманіе Локка къ этой послѣдней, во вторыхъ они были довольны, чувствуя въ своей области превосходство передъ великимъ человѣкомъ. Доставляя это двойное удовольствіе другимъ, Локкъ извлекалъ для себя пользу изъ такихъ разговоровъ со спеціалистами. Изученіе различныхъ явленій жизни онъ считалъ источникомъ своей мудрости, говоря, что дѣйствительность даетъ въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ различныя философскія гипотезы. Костъ разсказываетъ, что ему часто представлялась возможность наблюдать, какъ Локкъ, разговаривая съ артистами и ремесленниками, обогащалъ ихъ новыми взглядами на ихъ искусство или ремесло, открывая имъ новыя, невѣдомыя тайны того и другого.

Во внѣшности Локка не было ничего, что обыкновенно приписываютъ философу; онъ держалъ себя и одѣвался какъ и всѣ.

Локкъ не могъ терпѣливо выносить только грубости. Онъ всегда былъ вѣренъ своему слову и отличался большою осмотрительностью въ выраженіи своихъ мнѣній о людяхъ.

Слабое здоровье не мѣшало ему быть дѣятельнымъ и упорнымъ въ трудѣ. Локкъ страстно любилъ природу и общество дѣтей; онъ съ большимъ интересомъ разговаривалъ съ послѣдними.

Соблюдая большую діэту и принимая всевозможныя предосторожности противъ болѣзни, философъ никогда не доставлялъ хлопотъ окружающимъ. Онъ пилъ только воду и считалъ это вѣрнымъ средствомъ продлить жизнь.

Локкъ не любилъ писателей, употреблявшихъ весь свой талантъ на разрушеніе какихъ нибудь воззрѣній; онъ говорилъ о

нихъ: «имъ не нравится то, что есть; въ существующемъ они находятъ только ошибки и съ удовольствіемъ его уничтожаютъ; попробовали бы лучше замѣнить старое чѣмъ нибудь новымъ».

Локкъ совѣтовалъ всѣмъ, имѣющимъ привычку размышлять о чемъ нибудь, записывать всякую новую мысль какъ можно скорѣе; это по его мнѣнію облегчаетъ возможность установить связь между собственными отдѣльными мыслями; Локкъ думалъ, что умъ человѣческій не въ силахъ сохранить въ памяти всѣ промежуточныя звенья длиннаго ряда выводовъ и потому въ немъ необходимо должны являться пробѣлы, препятствующіе ясности окончательнаго вывода. Этимъ по его мнѣнію объясняется, что часто взгляды, восхищающіе насъ, теряютъ свое очарованіе и кажутся намъ несостоятельными, послѣ того, какъ мы разсмотримъ внимательно всѣ положенія, на которыхъ они основаны

Локкъ считалъ также необходимымъ сообщать для провѣрки свои мысли друзьямъ, прежде чѣмъ отдавать ихъ на судъ публики. Онъ не могъ понять, какъ можно упустить изъ вида, что разсудокъ человѣческій слабъ, подверженъ ошибкамъ и заблужденіямъ. Никто лучше Локка не умѣлъ также располагать своимъ временемъ.

Онъ чрезвычайно любилъ порядокъ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ—большихъ и малыхъ—отличался крайней точностью. Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому нибудь другому, относятся слова. онъ одинаково былъ способенъ къ великимъ и малымъ дѣламъ.

Переходя отъ жизни Локка къ его философской дѣятельности, мы остановимся на его манерѣ писать и на отношеніи къ своимъ собственнымъ трудамъ.

Послѣ Локка осталась большая переписка, дневники его путешествій и первоначальные наброски его мыслей. Письма его, какъ и дневники, отличаются удивительной объективностью. Изъ тѣхъ и другихъ мы очень немного можемъ узнать о внутренней жизни Локка, но они цѣнны въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ какъ собраніе самыхъ разностороннихъ наблюденій и остроумныхъ, проницательныхъ замѣчаній, а во вторыхъ какъ закулисная сторона или *изнанка* умственной дѣятельности Локка. Изъ нихъ мы узнаемъ, какъ и при какихъ условіяхъ зарождались его мысли, въ какой формѣ они выражены были имъ въ началѣ. Локкъ такъ аккуратно записывалъ свои мысли и

такъ бережно хранилъ всѣ свои рукописи, что мы можемъ прослѣдить всю исторію созданія его трудовъ Это былъ бы большой трудъ, но вполнѣ возможный. И въ этой возможности заключается особенность Локка. Обыкновенно намъ невозможно возстановить тотъ путь, какимъ великій мыслитель приходитъ къ открытію истины.

Само собой разумѣется, намъ нельзя здѣсь предпринять такого изслѣдованія дѣятельности Локка. Мы укажемъ только на обстоятельство возникновенія его капитальнаго труда, извѣстнаго подъ именемъ «Опыта изслѣдованія человѣческаго разума».

Происхожденіе этой книги представляетъ нѣчто характерное. Локкъ передаетъ его слѣдующимъ образомъ: «Однажды у меня собралось небольшое общество, пять-шесть человѣкъ; зашелъ разговоръ о предметахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ содержаніемъ книги. Наблюдая за развитіемъ разговора и ходомъ мыслей, я замѣтилъ, что затрудненія въ выводахъ представлялись со всѣхъ сторонъ, и старался уяснить себѣ причину этого, причемъ нашелъ, что она кроется въ недостаточномъ знакомствѣ съ самыми свойствами нашей познавательной способности. Я тотчасъ же сообщилъ эту мысль своимъ друзьямъ; они нашли ее справедливой и пожелали ей дальнѣйшаго развитія. Я тутъ же передалъ имъ, что въ данную минуту думалъ объ этомъ предметѣ и возбудилъ въ нихъ большой интересъ; они убѣдили меня заняться изслѣдованіемъ законовъ нашего мышленія. И такъ, настоящій трудъ своимъ началомъ обязанъ случаю, а продолженіемъ—просьбѣ нѣсколькихъ друзей. Я отдавался ему урывками, писалъ—когда было время, не соблюдая строгой послѣдовательности, смотря по обстоятельствамъ и своему настроенію. Мое разстроенное здоровье привело меня въ тихое уединенное пристанище, и тамъ мнѣ удалось привести въ порядокъ свой трудъ. Но все же на немъ лежитъ отпечатокъ неправильной работы; о многомъ сказано слишкомъ кратко, многое же растянуто. Замѣчая все это, я не могу рѣшиться передѣлать всю книгу; не знаю, что служитъ помѣхой этому—лѣнь или другія занятія».

Локкъ, какъ и Аристотель, не любилъ тратить много времени на отдѣлку своихъ сочиненій.

Въ предисловіи къ пятому изданію «Опыта» Локкъ говоритъ:

«Любезный читатель! Я отдаю въ твои руки свой трудъ, который служилъ мнѣ развлеченіемъ въ часы досуга и утѣшеніемъ въ тяжелыя минуты».

«Отысканіе истины есть своего рода охота, гдѣ уже самый процессъ преслѣдованія доставляетъ наслажденіе».

«Разумъ подобно глазу разсматриваетъ предметы съ своей точки зрѣнія; то, что онъ видитъ, должно доставлять ему удовольствіе, а то, что отъ него сокрыто, не можетъ его печалить. Если человѣкъ живетъ собственнымъ умомъ, а не собираетъ какъ милостыню чужія мысли, то онъ постоянно испытываетъ наслажденіе въ отысканіи истины, и чѣмъ больше требуется труда, тѣмъ большія радости выпадаютъ на его долю. Онъ употребляетъ на *пользу* свое время и въ томъ случаѣ, когда не совершаетъ ничего крупнаго, необыкновеннаго. Думать самостоятельно по силамъ каждому, поэтому каждому доступно и наслажденіе, сопровождающее самостоятельное мышленіе».

«Мой трудъ не заключаетъ въ себѣ положеній, въ которыхъ я не вполнѣ убѣжденъ, но я тоже могу заблуждаться».

«Я предназначаю свою книгу не для людей уже вполнѣ знакомыхъ съ предметомъ, а для тѣхъ, кому слѣдуетъ еще поучиться».

ГЛАВА V.

Локкъ какъ философъ. — Главныя положенія философіи Локка. Отрицаніе врожденныхъ идей и признаніе опыта единственнымъ источникомъ нашего знанія. — «Опытъ изслѣдованія человѣческаго разума». — Мнѣніе Локка о законахъ нравственности и свободѣ воли. — Отношеніе Локка къ религіи и вопросамъ теологіи.—Матеріализмъ какъ слѣдствіе эмпиризма. — Особенность англійскихъ философовъ Бэкона, Гобса, Локка и Юма.

Джонъ Локкъ—отецъ не только современнаго эмпиризма, но и матеріализма. Его философія теоріи познаванія состоитъ въ развитіи двухъ главныхъ мыслей, изъ которыхъ первая есть отрицаніе у человѣка врожденныхъ идей, а вторая—утвержденіе, что источникомъ всего нашего знанія служитъ опытъ.

Многіе, говоритъ Локкъ, придерживаются мнѣнія, что существуютъ врожденныя идеи, возникающія въ душѣ въ самый моментъ ея зарожденія; эти идеи она приноситъ будто бы съ собой въ міръ Врожденность же идей доказываютъ тѣмъ, что онѣ являются чѣмъ-то общимъ, безусловнымъ для всѣхъ безъ исключенія. Если бы послѣднее и дѣйствительно имѣло мѣсто, то общность идей не служила бы доказательствомъ ихъ врожденности. Но мы не видимъ даже безусловной общности какихъ бы то ни было идей ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Мы не найдемъ ни одного правила нравственности, которое бы существовало *у всѣхъ* народовъ, *во всѣ* времена. Дѣти и идіоты часто не имѣютъ понятія о простѣйшихъ аксіомахъ. Все это говоритъ противъ врожденности идей. Къ познанію простѣйшихъ истинъ приходимъ мы разсужденіемъ; но онѣ отнюдь не предшествуютъ разсужденію. Наше первоначальное знаніе состоитъ не изъ общихъ положеній, а изъ отдѣльныхъ впечатлѣній частнаго характера. Дитя отличаетъ горькое отъ сладкаго, темное отъ свѣт-

лаго и т. д. Разумъ или душа при появленіи своемъ на свѣтъ представляютъ бѣлый листъ бумаги, пустое пространство и т. д. Послѣ всего этого неизбѣженъ вопросъ. откуда же являются у насъ идеи? Несомнѣнно, мы получаемъ ихъ изъ опыта, которымъ такимъ образомъ обусловливается все наше знаніе и всѣ самые общіе его законы. Опытъ же нашъ двоякаго происхожденія: мы познаемъ внѣшній міръ или посредствомъ нашихъ органовъ чувствъ, или сознаніемъ внутренней дѣятельности нашей души, т е. разсужденіемъ. Ощущеніе и разсужденіе даютъ нашему разуму всѣ идеи.

Локкъ поставилъ себѣ задачей уяснить происхожденіе идей изъ этихъ двухъ источниковъ. Онъ различаетъ идеи (представленія) простыя и сложныя. *Простыми* идеями онъ называетъ отраженія дѣйствительности въ нашей душѣ, какъ въ зеркалѣ. Большею частью простыя идеи или представленія мы получаемъ посредствомъ одного какого нибудь чувства, напримѣръ представленіе о цвѣтѣ дается намъ зрѣніемъ, представленіе о твердости—осязаніемъ; но къ нимъ также частью относятся представленія, являющіяся результатомъ дѣятельности нѣсколькихъ чувствъ; таковы идеи протяженія и движенія, получаемыя помощью осязанія и зрѣнія. Въ числѣ простыхъ идей или представленій встрѣчаемъ мы также обязанныя своимъ происхожденіемъ исключительной дѣятельности разсудка, такова идея воли; наконецъ идеи также могутъ создаваться совмѣстной дѣятельностью органовъ чувствъ и размышленія, таковы понятія о силѣ, единицѣ, послѣдовательности.

Всѣ эти вмѣстѣ взятыя простѣйшія идеи составляютъ азбуку нашего знанія. Различныя комбинаціи звуковъ и словъ создаютъ языкъ; точно также нашъ разумъ, соединяя различными способами идеи между собою, создаетъ сложныя идеи.

Сложныя идеи Локкъ дѣлитъ на три класса: идеи измѣненій, идеи сущностей и идеи отношеній. Подъ именемъ первыхъ Локкъ разумѣетъ: измѣненіе пространства (разстояніе, измѣреніе, неизмѣримость, поверхность фигуры и т. д.); времени (продолжительность, вѣчность); процесса мышленія (впечатлѣніе, воспріятіе, воспоминаніе, способность отвлеченія и т. д.).

Свое главное вниманіе Локкъ посвящаетъ понятію сущности. Происхожденіе этого понятія онъ объясняетъ слѣдующимъ

образомъ: наши чувства и нашъ умъ убѣждаютъ насъ въ существованіи извѣстныхъ сочетаній простѣйшихъ идей, которыя чаще всего встрѣчаются. Мы не можемъ допустить, чтобы эти простѣйшія идеи соединялись сами собою; мы приписываемъ это соединеніе какому нибудь *основанію* и называемъ его сущностью. Сущность есть нѣчто неизвѣстное само по себѣ; мы знаемъ только ея отдѣльныя свойства. Отъ разсмотрѣнія понятія сущности Локкъ переходитъ къ идеѣ отношенія. Отношеніе возникаетъ тогда, когда разумъ сопоставляетъ между собою двѣ вещи или сравниваетъ ихъ. Такое сравненіе возможно для всѣхъ вещей, поэтому трудно перечислить всѣ возможныя отношенія между предметами. Вслѣдствіе этого Локкъ останавливается на самыхъ главныхъ изъ нихъ, на понятіи тождества и различія и на отношеніи причины и слѣдствія. Идея причины возникаетъ, когда мы видимъ, что одно явленіе неизмѣнно предшествуетъ другому. Вообще же сочетаніе идей даетъ намъ знаніе; оно относится къ простымъ и сложнымъ идеямъ такъ же, какъ предложеніе относится къ словамъ, слогамъ и буквамъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что наше знаніе не выходитъ изъ предѣловъ опыта, такъ какъ мы имѣемъ дѣло только съ идеями, которыя по мнѣнію Локка возникаютъ въ насъ исключительно при помощи внутренняго и внѣшняго опыта. Вотъ основная мысль Локка. Онъ высказалъ эти воззрѣнія съ большой отчетливостью и ясностью во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, посвятивъ имъ главнымъ образомъ: «Опытъ изслѣдованія человѣческаго разума». Начало этого труда относится къ 1670 году. Локкъ писалъ его впродолженіе девятнадцати лѣтъ. Оно вышло въ свѣтъ въ 1689 г. Въ этотъ промежутокъ времени Локкъ часто мѣнялъ мѣсто своего пребыванія, четыре года онъ прожилъ во Франціи, затѣмъ вернулся въ Англію, гдѣ пробылъ не болѣе года; въ 1679 году онъ поселился въ Голландіи. Въ 1688 году Локкъ получилъ возможность возвратиться въ Англію и окончилъ свой «Опытъ» въ домѣ лордовъ Ашли, гдѣ этотъ трудъ получилъ и свое начало. «Опытъ» состоитъ изъ четырехъ книгъ: 1) О врожденныхъ идеяхъ; 2) О представленіяхъ; 3) О словахъ; 4) О знаніи и мнѣніи. Во второй книгѣ разсматриваются представленія сами по себѣ, независимо отъ ихъ истинности. Въ четвертой книгѣ Локкъ даетъ критическую оцѣнку знанія, т. е. говоритъ

о представленіяхъ, дающихъ истинное знаніе дѣйствительности, и разсматриваетъ мнѣніе и вѣру какъ промежуточныя ступени къ истинному знанію И такъ содержаніемъ второй и четвертой книги исчерпывается самое существенное въ этомъ сочиненіи. Въ третьей книгѣ разсматривается языкъ, какъ средство для сообщенія и утвержденія знанія. Что касается первой книги, то она служитъ какъ бы приготовленіемъ читателя къ пониманію воззрѣній Локка. Локкъ самъ говоритъ въ своемъ заключеніи, что онъ предназначаетъ свою первую книгу къ очищенію пути для собственнаго изслѣдованія; содержаніе ея поэтому имѣетъ отрицательный характеръ. Локкъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы разрушить вѣру въ существованіе врожденныхъ идей. Во времена Локка эти врожденныя идеи играли большую роль въ философіи. Декартъ считалъ понятіе о Богѣ врожденнымъ Его послѣдователи значительно расширили это понятіе и основали ученіе о нравственности и правѣ исключительно на основныхъ положеніяхъ, признанныхъ ими за врожденныя Такая вѣра въ врожденныя идеи грозила опасностью дальнѣйшему развитію науки, поэтому Локкъ считалъ первой своей обязанностью вступить въ борьбу противъ врожденныхъ идей. Для этой борьбы необходимо было поставить читателя на новую точку зрѣнія, которая и выяснена вполнѣ во второй книгѣ «Опыта». Первая книга не заключаетъ въ себѣ никакихъ строгихъ доказательствъ. Несмотря на то, читатель съ первыхъ же страницъ убѣждается, что истина на сторонѣ Локка и врожденныхъ идей нѣтъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понимали въ то время.

Локкъ началъ свои занятія философіей съ изученія Декарта. Направленіе Декарта было въ то время господствующимъ во Франціи и отчасти въ Англіи. Спиноза держался также того мнѣнія, что понятіе о Богѣ есть врожденное. Въ древности это признавалъ Цицеронъ и пользовался этимъ для доказательства того, что Богъ дѣйствительно существуетъ. Локкъ хотя и отрицалъ врожденность понятія о Богѣ, но въ благочестіи не уступалъ своимъ предшественникамъ и конечно не сомнѣвался въ существованіи высшаго начала, но утверждалъ, что представленіе о Богѣ мы получаемъ помощью опыта, разсматривая его творенія. Эмпиризмъ не помѣшалъ Локку остаться религіознымъ человѣкомъ. Эта религіозность, какъ мы увидимъ дальше, от-

четливо проявляется въ философіи Локка; онъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, у которыхъ философія счастливо уживается съ религіей и идетъ съ нею какъ бы рука объ руку.

Мы говорили уже, среди какихъ условій возникло главное сочиненіе Локка; оно не имѣло ничего общаго съ кабинетнымъ трудомъ другихъ философовъ. Локкъ создалъ его, какъ говорятъ, *на людяхъ*. Оно имѣетъ всѣ достоинства и недостатки своего происхожденія, не отличается утонченной строгостью и систематичностью; но въ то же время изложеніе его просто, живо и общедоступно.

Особаго вниманія заслуживаетъ третья книга «Опыта», посвященная изслѣдованіямъ свойствъ языка; въ ней отчетливо выступаютъ всѣ особенности ума и характера Локка; мы находимъ здѣсь множество наблюденій, прямо выхваченныхъ изъ жизни, которыя своей правдой способны заставить задуматься самаго поверхностнаго человѣка. Многое представляетъ только дальнѣйшее развитіе мыслей Бэкона «о словесной мудрости»; но большая часть взглядовъ принадлежитъ Локку. Само собой разумѣется, что наука о языкѣ сдѣлала огромный шагъ впередъ со времени Локка. Тогда еще царствовало мнѣніе, что образованіе языка не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ законамъ. Долгое время спустя стали искать естественнаго соотношенія между созвучіемъ слова и предметомъ, который оно обозначаетъ. Разсужденія Локка о языкѣ могутъ показаться наивными современному лингвисту; но педагогъ, адвокатъ и вообще всякій человѣкъ съ общимъ образованіемъ найдутъ въ нихъ много вѣрнаго и полезнаго для себя. Взгляды и объясненія явленій рано или поздно отживаютъ свой вѣкъ, а вѣрно схваченные факты— плодъ наблюденій — никогда не утрачиваютъ своего значенія. Лейбницъ говоритъ: языкъ есть лучшее зеркало нашего ума и души, а потому изслѣдованіе происхожденія словъ въ состояніи привести насъ къ пониманію дѣятельности нашего разума и процессовъ нашего мышленія. Локкъ очевидно былъ въ этомъ отношеніи одного мнѣнія съ Лейбницемъ и посвятилъ много времени на изученіе связи, существующей между языкомъ и мышленіемъ

Несовершенство языка, по мнѣнію Локка, зависитъ отъ че-

тырехъ главныхъ причинъ: оно проявляется: 1) когда идеи, выражаемыя словами, слишкомъ сложны и состоятъ изъ многихъ простыхъ идей, соединенныхъ вмѣстѣ; 2) когда идеи не состоятъ ни въ какой естественной связи между собою; 3) когда онѣ относятся къ недоступному намъ предмету; 4) когда значеніе слова не отвѣчаетъ сущности предмета. Злоупотребленіе языкомъ также зависитъ отъ различныхъ причинъ: отъ употребленія словъ, съ которыми не связано никакое ясное представленіе; отъ усвоенія слова ранѣе, чѣмъ понято его значеніе; отъ употребленія одного и того-же слова въ различныхъ значеніяхъ; отъ приложенія словъ къ идеямъ, отличнымъ отъ тѣхъ, которыя они обыкновенно обозначаютъ; отъ примѣненія ихъ къ предметамъ, не существующимъ или мало доступнымъ.

Эти замѣчанія Локка, не имѣя никакой цѣнности въ научномъ отношеніи, очень важны на практикѣ, гдѣ обыкновенно не придаютъ должнаго значенія употребленію языка и часто имъ злоупотребляютъ.

Все то, что мы сказали, достаточно характеризуетъ теорію познаванія, оставленную намъ Локкомъ; она не отличается сложностью и легко доступна каждому непосвященному въ тайны философіи.

Мы перейдемъ теперь къ изложенію другихъ отдѣловъ философіи Локка, имѣющихъ также весьма важное значеніе для всѣхъ и каждаго. Теорія нравственности, созданная этимъ философомъ, имѣла, какъ мы увидимъ, большое вліяніе.

Локкъ отрицалъ также существованіе врожденныхъ законовъ нравственности. Подъ именемъ послѣднихъ онъ разумѣлъ основныя положенія права и морали, съ которыми должны согласоваться взаимныя отношенія между отдѣльными людьми и народами, однимъ словомъ всѣ правила общежитія. Но что же слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ врожденныхъ идей нравственности? То, что стоики признавали истиннымъ разумомъ, Спиноза называлъ духовной любовью къ Богу, а Гроцій—природой вещей. Все это обозначало *нѣчто* невѣдомое, руководящее нашими поступками; потомъ это невѣдомое получило названіе врожденныхъ идей нравственности. Оспаривая существованіе такихъ идей, Локкъ невольно подрывалъ основаніе всѣхъ, когда либо существовавшихъ ученій о нравственности. Онъ утверждалъ, что

никакихъ общихъ законовъ нравственности не существуетъ, и стремился доказать, что всѣ до единаго правила нравственности измѣняются съ теченіемъ времени; сверхъ того Локкъ приводилъ въ доказательство справедливости своего мнѣнія то, что и въ настоящее время въ различныхъ странахъ встрѣчаемъ мы прямо противоположныя правила нравственности, чего никакъ не могло бы быть, если бы существовала одна врожденная идея нравственности, къ которой можно было бы свести всѣ остальныя. Локкъ не признаетъ также неизмѣнности такъ называемаго внутренняго голоса или голоса совѣсти, говоря, что и сама совѣсть не одинакова у различныхъ людей и народовъ, потому что и она является результатомъ воспитанія и условій жизни. Мы *привыкаемъ* съ дѣтства считать хорошимъ то, что называютъ добромъ наши родители и другіе люди, которымъ мы вѣримъ. Мы часто не имѣемъ ни желанія, ни времени разсуждать о принятомъ въ дѣтствѣ на вѣру и признаемъ охотно, что родились на свѣтъ съ такими понятіями, не зная, какъ и откуда они у насъ явились. Вотъ по мнѣнію Локка истинная исторія врожденныхъ идей! Это вдобавокъ объясняется еще тѣмъ, что никакое ученіе о нравственности и правѣ невозможно безъ *допущенія* существованія общаго закона. Законъ же можетъ исходить только отъ законодателя, въ непогрѣшимости котораго мы не можемъ сомнѣваться и который одинъ имѣетъ власть карать и миловать. Такимъ законодателемъ можетъ быть только всевѣдущій Богъ, и потому право и нравственность находятъ свое основаніе не во врожденныхъ идеяхъ, а въ *Божественномъ откровеніи*.

Мы видимъ далѣе, что Локкъ какъ нельзя болѣе легко выводитъ общее основаніе нравственности, но встрѣчаетъ большія трудности въ примиреніи съ этимъ Божественнымъ откровеніемъ всѣхъ различныхъ правилъ общежитія и нравственности, разнообразіе которыхъ въ глазахъ наблюдателя безконечно. Онъ едва находитъ возможность установить три самыя общія положенія нравственности: 1) Вѣра въ Бога и въ его всемогущество; признаніе власти государя и народа; 2) страхъ передъ наказаніемъ и стремленіе къ наградѣ руководитъ нашими поступками, наконецъ 3-е положеніе заключаетъ въ себѣ признаніе нравственности христіанской и никакой другой. Нельзя не сознаться, что все это мало выяснено, но мы не можемъ строго винить Локка въ

томъ, что его теорія нравственности не отличается такою ясностью, какъ теорія познаванія. И по настоящее время никому еще не удалось открыть основной законъ нашей нравственной природы, хотя за эту задачу брались такіе люди, какъ, напримѣръ, Контъ. Въ Англіи непосредственно послѣ Локка занимались теоріей нравственности Шефтсбюри и Юмъ, они брали за основной законъ чувство любви къ ближнему. Вольфъ, въ Германіи, тотъ же законъ облекаетъ въ иную форму и основываетъ теорію нравственности на постоянномъ стремленіи человѣка къ духовному совершенству. Лейбницъ, въ противоположность Локку, признавалъ существованіе врожденныхъ идей нравственности, которымъ приписывалъ инстинктивный характеръ; онъ говоритъ, правила нравственности мы не сознаемъ, но чувствуемъ инстинктивно Все это конечно также нисколько не уясняетъ происхожденія нравственнаго начала.

Вопросы о нравственности тѣсно связаны съ вопросомъ о свободѣ воли, поэтому мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь же привести мнѣніе Локка и объ этомъ послѣднемъ вопросѣ. Локкъ признаетъ, что волей нашей управляетъ исключительно стремленіе къ счастію. Такой взглядъ невольно установился подъ вліяніемъ наблюденія дѣйствительности Но философу очевидно не понравился этотъ двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій, и онъ постарался придать слову «счастіе» самое широкое значеніе; однако ему не удалось растянуть это понятіе до такой степени, чтобы объяснить имъ дѣйствія *добровольныхъ* мучениковъ. Локкъ утверждаетъ, что мышленіе въ силахъ подавить всякую страсть и дать разумное направленіе волѣ; въ этой власти разсудка, по его мнѣнію, и состоитъ свобода человѣка. Если принять такое опредѣленіе свободы воли, то придется допустить, что не всѣ люди обладаютъ въ одинаковой степени свободой воли, а иные и совершенно ея лишены, ибо почему-нибудь же существуетъ нѣмецкая пословица: «Я вижу и оправдываю лучшее, а слѣдую худому». Локкъ признаетъ только тѣ дѣйствія нравственными, которыя исходятъ отъ разсудка; онъ убѣжденъ въ томъ, что если человѣкъ взвѣшиваетъ хорошо свои дѣйствія и предвидитъ ихъ послѣдствія, то всегда поступаетъ справедливо.

Такимъ образомъ Локкъ въ этомъ отношеніи вполнѣ сходится

съ Сократомъ, признавая, что просвѣщенный умъ непремѣнно ведетъ къ доброй нравственности. Замѣчательно, что такое мнѣніе и у Локка, и у Сократа явилось слѣдствіемъ непосредственнаго изученія дѣйствительности. Но этимъ не ограничивается сходство Локка съ Сократомъ; оба они излагали свои мысли, не мудрствуя лукаво. Чтобы дать понятіе объ изложеніи Локка, приведемъ его опредѣленія удовольствія, любви, гнѣва и т д., которыя мы заимствуемъ изъ «Опыта». Удовольствіе и боль—простыя представленія. Между представленіями, получаемыми посредствомъ органовъ чувствъ, ощущенія удовольствія и боли самыя главныя; всякое впечатлѣніе сопровождается чувствомъ удовольствія или чувствомъ боли, или не вызываетъ никакого чувства; то же относится къ мышленію и настроенію нашей души; чувство боли и удовольствія, какъ всякое простѣйшее представленіе, невозможно ни описать, ни опредѣлить; эти чувства могутъ быть извѣстны, какъ всѣ впечатлѣнія, только посредствомъ собственнаго опыта.

Отъ этихъ элементарныхъ чувствъ Локкъ переходитъ къ болѣе сложнымъ. «Что называется добромъ и зломъ? Всѣ вещи хороши или дурны, смотря по тому, вызываютъ ли онѣ удовольствіе, или причиняютъ боль. Мы называемъ добромъ все то, что вызываетъ въ насъ чувство удовольствія или его возвышаетъ и устраняетъ боль или уменьшаетъ ее Наоборотъ, мы называемъ зломъ все, что возбуждаетъ боль, увеличиваетъ ее или лишаетъ насъ добра. Подъ именемъ удовольствія и боли я разумѣю столько же тѣлесныя, сколько и душевныя состоянія; обыкновенно ихъ различаютъ между собою, тогда какъ и тѣ, и другія въ сущности только различныя состоянія души, вызываемыя измѣненіями, происходящими въ тѣлѣ или въ самой душѣ».

Удовольствіе и страданіе и причины ихъ добро и зло суть центры, около которыхъ вращаются наши страсти. Представленіе о нихъ получается посредствомъ самонаблюденія и изслѣдованія ихъ различнаго вліянія на измѣненіе состояній и настроеній души.

Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе чувствъ болѣе сложныхъ: любви, ненависти и радости.

«*Любовь*. Если кто нибудь остановитъ свое вниманіе на представленіи удовольствія, соединеннаго съ присутствующимъ или

отсутствующимъ предметомъ, онъ получитъ понятіе о любви. Если кто нибудь говоритъ осенью, лакомясь виноградомъ, или весною, когда его нѣтъ, что любитъ виноградъ, то это означаетъ только, что вкусъ винограда доставляетъ ему удовольствіе. Если же разстроенное здоровье или измѣненіе во вкусѣ уничтожатъ это удовольствіе, то нельзя ему будетъ сказать, что онъ любитъ виноградъ».

«*Ненависть*. Наоборотъ, мысль о боли, причиняемой отсутствующимъ или присутствующимъ предметомъ, и есть то, что мы называемъ ненавистью. Представленія о любви и ненависти суть не болѣе какъ состоянія души въ отношеніи къ удовольствію и къ боли вообще безъ различія причинъ, изъ которыхъ они происходятъ».

«*Желаніе*. Желаніе—болѣе или менѣе живое чувство, происходящее отъ отсутствія того, что соединяется съ представленіемъ объ удовольствіи; оно повышается и понижается вмѣстѣ съ увеличеніемъ и уменьшеніемъ послѣдняго чувства».

«*Радость*. Радость есть удовлетворенное состояніе души подъ вліяніемъ сознанія, что обладаніе добромъ достигнуто или будетъ достигнуто въ скоромъ времени».

Печаль Локкъ опредѣляетъ конечно какъ противоположное чувство. Такимъ же характеромъ отличаются опредѣленія надежды, страха, сомнѣнія, гнѣва, зависти и иныхъ страстей, свойственныхъ всѣмъ людямъ

Существуетъ общее мнѣніе, что характеръ писателя слѣдуетъ изучать въ его сочиненіяхъ. Это мнѣніе является безусловной истиной въ отношеніи къ Локку. Отсутствіе тщеславія и природная откровенность дали полную возможность проявиться характеру Локка во всѣхъ его сочиненіяхъ. Это замѣчаніе главнымъ образомъ относится къ его «Опыту» и къ «Мыслямъ о воспитаніи», о которыхъ будетъ говориться въ слѣдующей главѣ. Мы вездѣ видимъ передъ собою мыслящаго и наблюдательнаго человѣка, глубоко доброжелательнаго и въ высшей степени простого. Намъ извѣстно, какою пышностью стремился Бэконъ обставить себя и свою философскую дѣятельность. Локкъ въ этомъ отношеніи представляетъ совершенную противоположность Бэкону. Онъ писалъ не подъ звуки торжественной музыки, какъ Бэконъ, а находился въ настроеніи, такъ сказать,

самомъ обыкновенномъ. Мы не замѣчаемъ въ немъ высокаго вдохновенія, за то находимъ трогательное вниманіе къ нуждамъ обыкновенныхъ людей. Ясно и отчетливо представляетъ онъ себѣ своего читателя, но, понимая всѣ его недостатки, не обнаруживаетъ никакого презрѣнія къ его немощамъ. Онъ держитъ себя совсѣмъ запросто съ своимъ читателемъ, хотя и сознаетъ, что оттого проигрываетъ, можетъ быть, во мнѣніи многихъ «Я знаю, говоритъ онъ, что моя откровенность вредитъ моей славѣ»—и продолжаетъ быть откровеннымъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ мысль Локка объ ограниченности человѣческаго разума.

«Наша способность познаванія соразмѣрна съ нашими потребностями. Какъ бы ни былъ ограниченъ разумъ человѣка, мы должны благодарить за него Создателя, потому что онъ далеко оставляетъ за собой мыслительныя способности всѣхъ другихъ обитателей нашей земли. Нашъ разумъ даетъ намъ возможность составить себѣ необходимое понятіе о добродѣтели и устроить земную жизнь такъ, чтобы она вела къ лучшей жизни. Мы не въ силахъ постигнуть сокровенныхъ тайнъ природы; но того, что мы можемъ понять, совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о благости Творца и о нашихъ собственныхъ обязанностяхъ. Мы не будемъ жаловаться на предѣлы нашего знанія, если займемся тѣмъ, что для насъ дѣйствительно полезно За неимѣніемъ солнечнаго свѣта, мы будемъ работать и при свѣчахъ; наша свѣча горитъ довольно ярко для того дѣла, которое намъ необходимо совершить. Если у насъ нѣтъ крыльевъ, то мы во всякомъ случаѣ можемъ ходить. Намъ нѣтъ надобности знать все, а только то, что непосредственно относится къ жизни. Человѣкъ напрасно забирается въ глубины, теряя почву подъ ногами; онъ не долженъ переступать круга, отдѣляющаго свѣтлое отъ темнаго, доступное нашему уму отъ недоступнаго».

«Неразумно также сомнѣваться во всемъ, если многое въ точности намъ извѣстно».

«Сомнѣніе подрываетъ наши силы, лишаетъ бодрости, заставляетъ опускать руки».

Духъ смиренномудрія, навѣяннаго религіей, сказывается здѣсь въ каждомъ словѣ; но къ смиренномудрію примѣшивается также бодрость практическаго человѣка.

Въ собраніи сочиненій Локка насъ поражаетъ огромное мѣсто, занимаемое статьями по вопросамъ богословія. Одно толкованіе писаній апостола Павла вѣроятно поглотило труды многихъ лѣтъ; «письма о вѣротерпимости», письма о чудесахъ и объемистая переписка съ епископомъ Ворчестерскимъ также содержатъ въ себѣ вопросы религіи. Мы коснемся этихъ сочиненій постольку, по скольку въ нихъ проявился характеръ Локка. Въ 1695 году Локкъ напечаталъ свое разсужденіе о христіанствѣ, въ которомъ стремился доказать, что христіанская религія, очищенная отъ всякихъ позднѣйшихъ примѣсей, есть самое разумное ученіе о нравственности. По поводу этого послѣдняго сочиненія и началась полемика Локка съ епископомъ, которую Локкъ поддерживалъ съ большимъ искусствомъ и хладнокровіемъ. Ученый теологъ долженъ былъ уступить и въ богословскомъ спорѣ отдать пальму первенства остроумному философу. Всѣ были на сторонѣ Локка и радовались его побѣдѣ, потому что онъ побѣдилъ разумомъ и сдѣлалъ это съ большой скромностью и достоинствомъ.

Примиреніе философіи съ религіей было главной задачей въ жизни Локка, и не трудно себѣ представить, что задача эта была не легкая. Умъ Локка, смиренный религіей, все же часто выходитъ изъ намѣченнаго имъ самимъ заколдованнаго круга, стремится къ смѣлымъ выводамъ, которые потомъ приходилось оправдывать и кой-какъ связывать съ религіей.

Мы знаемъ, какое важное мѣсто занимала религія въ жизни Локка, и все же она не могла помѣшать ему высказать мысли, впослѣдствіи послужившія основаніемъ матеріализма. Отрицаніе врожденныхъ идей послужило началомъ эмпиризма, а въ рукахъ французовъ перешло въ сенсуализмъ и матеріализмъ.

Признавая опытъ единственнымъ источникомъ нашего знанія, Локкъ на этомъ остановился и не могъ вывести тѣхъ слѣдствій изъ этого положенія, которыя потомъ были выведены Кондильякомъ и послужили къ разрушенію многихъ основъ нравственности и религіи.

Ни одинъ изъ послѣдователей Локка въ Англіи не дошелъ до такихъ крайностей, несовмѣстныхъ съ благочестіемъ и консервативностью англичанъ.

Локкъ хотя изучалъ медицину и естественныя науки, но за-

нимался послѣдними сравнительно не много; его натуръ-философія вся въ нѣсколькихъ страницахъ, однако онъ и здѣсь, можно сказать, очистилъ путь великому своему соотечественнику Ньютону. Идеи Локка привели Юма къ скептицизму. Но въ половинѣ восемнадцатаго вѣка въ англійской философіи произошла реакція противъ воззрѣній Локка и Юма. Во Франціи же въ это время царствовалъ матеріализмъ и развивался принципъ эгоистической нравственности... Могъ ли предвидѣть Локкъ, что мысли, созрѣвшія въ его головѣ, принесутъ такіе плоды... Къ счастію для прогресса, намъ неизвѣстна судьба нашихъ собственныхъ идей, т. е. тѣ слѣдствія, которыя выведутъ изъ нихъ грядущія поколѣнія, это и открываетъ намъ возможность отдаваться нашимъ мыслямъ, такъ сказать, безъ оглядки.

Возставая противъ схоластики, Локкъ не могъ однако отъ нея вполнѣ отрѣшиться. Это въ порядкѣ вещей.

Декартъ и Спиноза во Франціи и въ Голландіи также боролись съ схоластикой, но сами они не совсѣмъ были свободны отъ привычныхъ пріемовъ; только въ области естествознанія и математики имъ удалось ввести методы наблюденія и индукціи. Великіе ученые Англіи, Франціи, Италіи и Германіи, прилагая эти новые методы, сдѣлали тѣ величайшія открытія, которыя послужили основаніемъ современнаго естествознанія.

Въ Германіи долгое время ученые возставали противъ эмпиризма, Лейбницъ и Вольфъ были противниками Локка. Кантъ приблизился къ Локку, но въ то же время не могъ не признать существованія понятій a priori. Фихте, Шеллингъ и Гегель употребили всѣ свои усилія возстановить права чистаго мышленія. Несмотря на то, эмпиризмъ завоевалъ себѣ наконецъ надлежащее мѣсто и въ Германіи...

Кирхманъ сравниваетъ Локка съ Сократомъ, который низвелъ философію съ неба на землю и заставилъ ее служить дѣйствительности. Въ области логики Локкъ явился прямымъ преемникомъ Аристотеля; продолжая изслѣдованіе законовъ мышленія, онъ приложилъ методъ индукціи къ явленіямъ внутренней жизни. Это было сопряжено еще съ большею трудностью, чѣмъ примѣненіе его къ явленіямъ физическимъ, которое тоже подвигалось весьма медленно.

Методъ индукціи имѣетъ большую важность для обыкновен-

ныхъ людей, потому что открываетъ имъ возможность тихимъ, но вѣрнымъ шагомъ добираться до истины. Въ этомъ отношеніи заслуги англійской философіи громадны.

Они обусловливаются характерной особенностью величайшихъ философовъ Англіи· Бэкона, Гобса, Локка и Юма, эти философы не были учеными по профессіи, а просто выдающимися людьми своего времени Они изучали философію и науки вслѣдствіе особой склонности къ такимъ занятіямъ, которую не могли заглушить ни обязанности государственной службы, ни какіе-либо политическіе планы и житейскіе интересы. Предаваясь философіи, англійскіе философы не отрѣшались отъ жизни, но принимали самое дѣятельное участіе въ борьбѣ за религіозныя воззрѣнія и политическія убѣжденія, подвергались преслѣдованіямъ, изгнанію изъ отечества; они принуждены были искать убѣжища въ чужихъ странахъ. Такія условія жизни обогащали ихъ опытомъ, знаніемъ людей; результатомъ всего этого явилось у нихъ глубокое и всестороннее пониманіе жизни и природы человѣка. Любовь къ дѣйствительности была отличительной чертой англійскихъ философовъ, и эта любовь помогла имъ освободить философію отъ схоластики. Знакомство съ жизнью спасло ихъ отъ односторонности, свойственной кабинетнымъ ученымъ; они глубоко сознали важность индукціи для философіи и высказали это съ такою ясностью, что убѣдили всѣхъ образованныхъ людей. Это направленіе въ философіи, получившее названіе эмпирическаго, и было окончательно установлено Локкомъ. Бэконъ же положилъ начало эмпиризму, требуя приложенія новаго метода главнымъ образомъ къ явленіямъ мертвой природы.

Въ заключеніе мы сообщимъ классификацію наукъ, данную Локкомъ. Локкъ придерживается классификаціи древнихъ грековъ и дѣлитъ науки на физику, логику и этику. То, что Локкъ называетъ логикой, скорѣе можно назвать философіей знанія; противоположная ей наука есть философія бытія, она распадается на философію природы и философію души; къ послѣдней относится теорія нравственности, права и эстетики или ученіе объ искусствахъ. Къ философіи знанія принадлежитъ старая аристотелевская логика; въ нее также входитъ наука о языкѣ. Теологіи мы не находимъ между науками; она по мнѣнію Локка не наука,

потому что вся основана на откровеніи. Къ философіи Локкъ причисляетъ также философію исторіи.

Въ этой классификаціи также выражается какъ нельзя лучше характеръ Локка: какъ видно, его мало интересовалъ этотъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго онъ не видѣлъ прямой пользы для своихъ читателей. Это стремленіе къ полезному, выразителемъ котораго явился Локкъ, принесло также плоды, непредвидѣнные Локкомъ, но созрѣвшіе на его родной почвѣ; оно перешло современемъ въ утилитаризмъ, пустившій такіе глубокіе корни въ Англіи.

Любовь къ дѣйствительности и желаніе непосредственной пользы людямъ привели Локка къ педагогической дѣятельности, которая въ свою очередъ оказала вліяніе на его философію. Въ педагогическихъ взглядахъ Локка такъ ясно выразилась его личность, что мы считаемъ нужнымъ посвятить имъ слѣдующую главу.

ГЛАВА VI.

Педагогическая дѣятельность Локка. — Отношеніе педагогической дѣятельности Локка къ его философіи — Мнѣніе Екатерины II о Локкѣ. — Педагогическій трактатъ Локка «Мысли о воспитаніи». — Педагогическіе идеалы Аристотеля и Локка: «Свободный человѣкъ» и «джентльменъ». — Общій характеръ воззрѣній Локка на воспитаніе и образованіе.

Локкъ посвятилъ много силъ и времени педагогической дѣятельности, поэтому ей должно быть отведено подобающее мѣсто въ его біографіи. Намъ извѣстно, что многіе философы болѣе или менѣе занимались теоріей и практикой воспитанія юношества. Одни начинали съ педагогической дѣятельности, и она приводила ихъ къ общимъ вопросамъ о человѣческой природѣ и къ философіи; другіе, наоборотъ, занимались педагогической дѣятельностію, чтобы провѣрить свои воззрѣнія на природу человѣка или осуществить свои общія задачи. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Локкъ. Мы уже знаемъ, что онъ любилъ бесѣдовать съ дѣтьми и занимался воспитаніемъ двухъ поколѣній лордовъ Ашли. Въ то же время педагогическая дѣятельность никогда не служила ему ремесломъ, и онъ искалъ въ ней очевидно осуществленіе своего идеала *джентльмена* и вообще непосредственнаго знакомства съ природой человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что Локка нельзя считать такимъ педагогомъ-философомъ, какими были Песталлоци и Гербартъ. Несмотря на то, педагогическая дѣятельность состоитъ въ тѣсной связи съ его философіей. Педагогика прикрѣпила философа къ землѣ и не дала, такъ сказать, отрости его крыльямъ; онъ постоянно имѣлъ въ виду обыкновенныхъ людей, ихъ задачи и силы. Можетъ быть педагогическая дѣятельность и сдѣлала Локка великимъ учителемъ обыкновенныхъ людей всѣхъ временъ.

Локкъ и въ глубокой старости не переставалъ интересоваться вопросами воспитанія, давая въ этомъ дѣлѣ совѣты своему другу, леди Мешемъ.

Самое характеристическое и цѣнное въ воззрѣніяхъ Локка это отсутствіе рутины. «Мысли Локка о воспитаніи» заключаютъ въ себѣ энергичное воззваніе къ самостоятельной независимой дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ. И таково же вліяніе всѣхъ сочиненій Локка; оно будетъ всегда плодотворно, какъ бы ни устарѣли его отдѣльные взгляды.

«Мысли Локка» оказали также свое благотворное вліяніе на педагогическое дѣло въ Россіи. Это сочиненіе три раза было переведено на русскій языкъ въ 1838 г., въ 1858 г. и въ 1890 г. Второй переводъ мы находимъ въ «Русскомъ Педагогическомъ журналѣ», редакторомъ котораго въ то время состоялъ извѣстный педагогъ Вышнеградскій; послѣдній стремился оживить педагогическое дѣло въ Россіи, избавить его отъ формалистики и рутины. Вліяніе Локка бросается въ глаза и въ знаменитомъ наказѣ Екатерины Второй, и въ статьяхъ современныхъ намъ русскихъ педагоговъ. Даламберъ написалъ однажды русской императрицѣ: «Во французской литературѣ только одна новость: одинъ епископъ провозгласилъ Локка и Ньютона нечестивыми». Императрица отвѣчала съ явнымъ негодованіемъ: «Локкъ и Ньютонъ не должны чувствовать боли (ни того, ни другого тогда не было на свѣтѣ) отъ укушенія шмеля; тотъ не другъ истины, кто откажется назвать ихъ великими людьми; въ томъ нѣтъ ума, кто клеймитъ ихъ именемъ нечестивыхъ».

Лагарпъ, воспитатель Александра I, говоритъ, что императрица требовала, чтобы августѣйшіе внуки ея учились бы такъ же охотно, какъ и играли. Въ этомъ требованіи проявляется также вліяніе Локка. Физическое же воспитаніе великихъ князей совершенно отвѣчало программѣ Локка. Сподвижникъ императрицы, Бецкій былъ также рьянымъ приверженцемъ Локка. Во Франціи, гдѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи вліяніе идей Локка было вообще очень велико, его взгляды на воспитаніе оказали сильное вліяніе на Руссо Сочиненія энциклопедистовъ, проникнутыя идеями Локка, по всей вѣроятности распространили эти идеи въ Россіи. Главное педагогическое сочиненіе Локка «Мысли о воспитаніи», какъ и всѣ другія его сочиненія, представляютъ рядъ размышленій

надъ явленіями дѣйствительной жизни. Локкъ не обнаруживаетъ ни малѣйшей претензіи создать какую нибудь цѣльную систему воспитанія, а напротивъ стремится обратить вниманіе родителей и воспитателей на важность строгаго и серьезнаго отношенія къ этому дѣлу. Любовью къ дѣтямъ проникнуто все сочиненіе Локка, и любовь эта трогательна главнымъ образомъ потому, что нигдѣ не переходитъ въ сентиментальность, а выражается сдержанно и на дѣлѣ. Это сочиненіе имѣло громадный успѣхъ въ Англіи и было вскорѣ же переведено на всѣ европейскіе языки.

Локкъ начинаетъ свою книгу о воспитаніи слѣдующими словами: «Здравый духъ живетъ въ здоровомъ тѣлѣ».

Много и подробно говоритъ онъ о томъ, что нужно дѣлать для того, чтобы укрѣпить молодое тѣло и закалить его для борьбы со всевозможными вредными вліяніями, предлагая цѣлую систему правилъ физическаго воспитанія. Многія изъ этихъ правилъ не отвѣчаютъ настоящему состоянію науки. Но главная мысль Локка не утратила своей вѣрности; онъ стремится къ тому, чтобы человѣкъ былъ ближе къ природѣ, избѣгалъ бы всего искусственнаго и разслабляющаго.

Въ концѣ своего трактата о воспитаніи авторъ говоритъ.

«Я покончилъ со всѣмъ тѣмъ, что относится къ тѣлу и здоровью. Все существенное сводится къ небольшому числу легко исполнимыхъ правилъ: быть много на воздухѣ, побольше двигаться и спать; немного или даже нисколько лекарствъ; одежда не слишкомъ тѣсная, не слишкомъ теплая; необходимо также пріучить къ холоду ноги и голову и почаще мыть ихъ холодною водою».

И такъ, согласно Локку, задача физическаго воспитанія сводится къ укрѣпленію и закаленію тѣла, исключающимъ всякое излишество и изнѣженность. Тѣми же соображеніями руководствуется онъ въ воспитаніи духа, высказывая слѣдующее мнѣніе «Если крѣпость тѣла состоитъ въ трудѣ и усиліи, то же можетъ относиться и къ духу. Главный принципъ, основаніе всякой добродѣтели, всякой заслуги, заключается въ томъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ отказывать себѣ въ удовлетвореніи собственныхъ желаній, умѣлъ бы противостоять своимъ собственнымъ склонностямъ и слѣдовать начертаніямъ своего разума, если бы они шли въ разрѣзъ со всѣми другими желаніями».

Изъ этого легко вывести, что задача воспитанія должна заключаться въ закаленіи тѣла и духа.

Воспитаніе духа, въ глазахъ Локка, есть развитіе въ человѣкѣ хорошихъ наклонностей, доброжелательнаго отношенія къ людямъ, чувства чести и уваженія къ человѣческой природѣ; оно состоитъ также въ образованіи твердости характера, въ практичности и умѣньи ладить съ людьми. Научное образованіе Локкъ считаетъ дѣломъ второстепеннымъ и ставитъ его далеко ниже нравственнаго воспитанія.

Такое умаленіе значенія умственнаго развитія объясняется протестомъ Локка противъ схоластическаго направленія школы того времени, набивавшей молодыя головы совершенно безполезнымъ и ни къчему не ведущимъ знаніемъ, которое не давало человѣку ни силы характера, ни внутренняго счастья.

Локкъ отводитъ въ воспитаніи послѣднее мѣсто изученію школьныхъ наукъ, потому что въ то время *все* воспитаніе сводилось къ этому изученію. Джентльменъ, по его мнѣнію, заботясь о воспитаніи своего сына, долженъ желать ему, сверхъ обезпеченнаго состоянія, еще: добродѣтели, благоразумія, хорошихъ манеръ и образованія. Итакъ, образованіе занимаетъ здѣсь *послѣднее* мѣсто. Локкъ самъ понималъ, что это должно вызвать удивленіе, и объясняетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ:

«Вы можетъ быть удивитесь, что я говорю объ образованіи послѣ всего. Такое мнѣніе можетъ показаться страннымъ въ устахъ ученаго, и этотъ парадоксъ является черезъ чуръ смѣлымъ еще потому, что теперь образованіе составляетъ единственную цѣль воспитанія. Но когда я вижу, какой мукѣ подвергаются люди, чтобы научиться немного латинскому и греческому языку, сколько лѣтъ употребляютъ они на эту работу, сколько это доставляетъ имъ хлопотъ и страданій и какой ничтожный получается результатъ, я не могу удержаться отъ негодованія, что родители живутъ постоянно опасаясь школьнаго учителя».

Локкъ, отрицая современную ему школьную мудрость, считаетъ существено необходимымъ знать всѣмъ и каждому весьма немногое, а именно: умѣть читать и писать Философъ признаетъ пользу научнаго образованія только для людей способныхъ, для другихъ же считаетъ его скорѣе вреднымъ; относи-

тельно послѣднихъ онъ даетъ родителямъ слѣдующій совѣтъ: «отдайте вашего сына въ такія руки, которыя могли бы по возможности сохранить его невинность, развить и воспитать въ немъ добрыя наклонности, безъ всякаго насилія, исправить и излѣчить дурныя и пріучить его ко всему хорошему. Вотъ что важно. Какъ скоро это достигнуто, образованіе можетъ быть пріобрѣтено въ придачу и, какъ мнѣ кажется, очень удобно, при помощи методовъ, какіе не трудно придумать» Далѣе Локкъ говоритъ, что онъ не видитъ смысла въ держаніи дѣтей на цѣпи, какъ каторжниковъ, впродолженіе семи, восьми или десяти лѣтъ, которые можно назвать лучшими годами въ жизни, и все ради того, чтобы научить ихъ одному или двумъ языкамъ. Возставая противъ всего этого, Локкъ составилъ собственную программу образованія, необходимаго для *джентльмена*, и придумалъ свой методъ обученія. Въ самомъ раннемъ возрастѣ ребенка слѣдуетъ выучить читать, писать и чертить, затѣмъ необходимо приступить къ изученію родного языка, а потомъ французскаго. Только послѣ этого онъ можетъ взяться за латинскій языкъ, уступая всесильной модѣ. Греческій языкъ необходимъ для ученаго, но не требуется для джентльмена. Вслѣдъ за латынью по плану Локка идетъ географія, ариѳметика, астрономія, геометрія, хронологія, исторія, ученіе о нравственности и право. Къ этимъ предметамъ онъ присоединяетъ и философію естествознанія, подъ которой разумѣетъ знаніе природы вообще. Философъ сильно вооружается противъ риторики и формальной логики. Софистическое направленіе ума Локкъ всего менѣе считаетъ приличнымъ для джентльмена или друга истины. Въ то же время онъ очень цѣнитъ хорошій слогъ и совѣтуетъ обращать на него вниманіе съ ранняго дѣтства. Во главѣ искусствъ Локкъ ставитъ танцы, которые воспитываютъ стройность и грацію движеній. Онъ требуетъ также изученія хотя бы одного ремесла.

Изученіе латинскаго языка Локкъ считаетъ непріятнымъ для всѣхъ возрастовъ.

Главное искусство учителя состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть вниманіемъ ученика и сохранить это вниманіе. Нужно заставить ребенка понять, что его любятъ и имѣютъ въ виду его благо. «Мы,—говоритъ онъ,—любимъ свободу съ колыбели. Мы знаемъ множество вещей, которыя внушаютъ намъ отвращеніе

только потому, что были намъ навязаны въ дѣтствѣ. Я всегда думалъ, что всякое серьезное занятіе можетъ обратиться въ удовольствіе».

Итакъ, вмѣстѣ съ заботой о томъ, чтобы сообщить тѣлу силу и крѣпость, сдѣлать его послушнымъ и совершеннымъ орудіемъ души, главнымъ и преимущественнымъ занятіемъ воспитателя должно быть правильное образованіе этой послѣдней, чтобы расположить ее неуклонно слѣдовать тому только, что сообразно съ достоинствомъ и познаніемъ разумнаго существа. Эту способность Локкъ называетъ твердостью души, которая, какъ и крѣпость тѣла, состоитъ преимущественно въ перенесеніи трудностей; она есть главное основаніе и начало всякой *добродѣтели* и всякаго успѣха. Локкъ особенно заботится о развитіи *этой* способности; онъ говоритъ:

«Одинъ изъ важныхъ недостатковъ, замѣченныхъ мною въ нашемъ воспитаніи, состоитъ въ томъ, что недостаточно *рано* начинаютъ пріучать дѣтскую душу къ покорности извѣстнымъ правиламъ, подчиненію разсудку, не заботятся объ этомъ въ то время, когда она еще весьма нѣжна, гибка и способна слѣдовать всякому направленію».

«Въ отношеніи къ животнымъ бываемъ мы благоразумны и начинаемъ ихъ воспитывать съ перваго дня жизни и такимъ образомъ дѣлаемъ ихъ полезными для себя. Свое же собственное дитя оставляемъ въ этомъ отношеніи безъ всякаго попеченія и наивно ждемъ, что изъ дурного ребенка выйдетъ хорошій человѣкъ».

«Мысли Локка о воспитаніи» изобилуютъ также многими отдѣльными замѣчаніями и правилами эмпирическаго характера; мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Чувствовать влеченіе еще не порокъ; но порокъ состоитъ въ неумѣньи подчинять его указаніямъ и ограниченіямъ разсудка. Различіе между людьми состоитъ не въ томъ, чтобы имѣть или не имѣть желанія,—ихъ имѣютъ всѣ,—но въ умѣніи властвовать надъ ними. Тотъ, кто въ молодости не привыкъ подчинять свой произволъ разсудку другихъ, едва ли будетъ подчиняться и своему собственному».

«Чрезмѣрное снисхожденіе и свобода въ обращеніи съ дѣтьми не ведетъ ни къ чему хорошему».

«Глубокое уваженіе къ родителямъ и нѣкоторый страхъ въ самомъ началѣ должны дать имъ власть надъ умами дѣтей, а любовь и дружба должны поддержать ее въ юношахъ».

«На взрослыхъ дѣтей должно смотрѣть какъ на подобныхъ намъ людей, имѣющихъ тѣ же страсти и стремленія».

«Давайте поменьше законовъ, но, разъ давши, строго смотрите за исполненіемъ ихъ».

«Богъ кладетъ неизгладимую печать на душу каждаго человѣка; природный характеръ конечно можетъ быть нѣсколько видоизмѣненъ. Но едва ли можно совершенно сгладить природную особенность характера и превратить его въ другой, противоположный Поэтому лица, находящіяся при дѣтяхъ, должны внимательно изучать ихъ природу и способности; они должны стараться угадать, къ чему дѣти склонны и что имъ по душѣ».

«Воспитатель не только долженъ тщательно изслѣдовать, къ чему *особенно* склоненъ ребенокъ, но также знать то, чего не достаетъ въ характерѣ дитяти».

«Данное природой ребенку должно развивать; намѣреніе же истребить въ душѣ его то, что дано ему отъ природы и посѣять въ ней нѣчто новое, искусственное—всегда будетъ тщетнымъ усиліемъ и поведетъ только къ притворству».

«Неестественная серьозность и спокойствіе нрава дѣтей можетъ быть и понравятся людямъ недальновиднымъ, любящимъ дѣтей робкихъ, не дѣятельныхъ, не шумливыхъ; но изъ такихъ дѣтей выйдутъ люди безполезные для друзей и ни на что не нужные».

«Аффектація и притворство не принадлежитъ къ числу недостатковъ дѣтскаго возраста; ихъ не порождаетъ природа, предоставленная самой себѣ; они скорѣе принадлежатъ къ тѣмъ видамъ сорныхъ травъ, которыя растутъ не на пустыряхъ, но на грядахъ у небрежнаго или неискуснаго садовника».

«Любопытство въ дѣтяхъ есть только особый видъ любознательности, поэтому его слѣдуетъ поощрять не только какъ хорошій признакъ, но также какъ великое орудіе, данное природой для извлеченія человѣка изъ состоянія невѣжества».

Во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ и правилахъ проявляется та наблюдательность, которая составляла отличительную черту Локка, а именно наблюдательность, руководимая любовью къ природѣ вообще и къ природѣ человѣка въ особенности.

Намъ уже извѣстно, что Локкъ съ большимъ успѣхомъ прилагалъ на практикѣ выработанныя имъ педагогическіе взгляды; мы знаемъ въ то же время, что не внѣшнія обстоятельства принуждали его брать на себя обязанности воспитателя; изъ этого можно заключить, что онъ имѣлъ склонность къ педагогической дѣятельности. Воспитывая дѣтей, Локкъ изучалъ природу человѣка, провѣрялъ свои взгляды и черпалъ свою мудрость изъ живой книги дѣйствительности, поэтому его взорамъ эта дѣятельность представлялась весьма сложной и разнообразной. Онъ говоритъ: «Хотя я достигъ теперь конца изложенныхъ мною замѣчаній о воспитаніи, возникшихъ въ моемъ умѣ, однако-жъ я вовсе не желаю, чтобы кто-либо смотрѣлъ на эти замѣчанія какъ на руководящее сочиненіе о столь важномъ предметѣ. Есть тысячи другихъ вещей, которыя слѣдовало бы также подвергнуть разсмотрѣнію—въ особенности, если допустить, что различны характеры, наклонности и недостатки, встрѣчающіеся въ дѣтяхъ требуютъ соотвѣтственныхъ средствъ. Разнообразіе до того велико, что если-бы описаніе его составило цѣлые томы, то и тогда бы многое осталось недосказаннымъ. Въ характерѣ каждаго человѣка, какъ и въ его наружности, есть нѣкоторая особенность, которая отличаетъ его отъ прочихъ людей; и едва-ли найдутся два ребенка, которыхъ можно было бы воспитать по одинаковой методѣ. Сверхъ того, я полагаю, что сынъ князя, сынъ вельможи и сынъ обыкновеннаго человѣка должны быть воспитаны различно».

Послѣднія слова особенно замѣчательны; въ нихъ проглядываетъ англичанинъ, строго придерживавшійся традиціоннаго дѣленія на сословія. Видно также, что Локкъ, излагая свои мысли о воспитаніи, постоянно имѣлъ передъ собою конкретный образъ джентльмена. Это также какъ нельзя лучше характеризуетъ англійскаго философа.

Для подтвержденія этого мнѣнія приведемъ статью Локка «о пользѣ, извлекаемой изъ чтенія».

Чтеніе, говоритъ Локкъ, служитъ къ усовершенствованію ума, послѣднее-же имѣетъ двоякое назначеніе. во первыхъ умъ необходимъ для пріобрѣтенія знаній, а во вторыхъ для передачи ихъ другимъ. И то, и другое *важно для джентльмена*, и универсальное знаніе не составляетъ для него существенной и

обходимости, и сообщеніе знаній другимъ ему неменѣе нужно, чѣмъ пріобрѣтеніе знаній. Главное назначеніе джентельмена— служить своей собственной странѣ, поэтому нужнѣе всего то, что непосредственно относится къ этому назначенію — знаніе человѣческихъ добродѣтелей и пороковъ, законовъ общественнаго устройства и искусства управленія государствомъ; все это сводится къ изученію законодательства и исторіи. Но чтеніе даетъ ему запасъ фактическихъ знаній, самое-же пониманіе пріобрѣтается только извѣстнымъ отношеніемъ къ прочитанному; необходимо хорошенько переварить или продумать прочитанное, провѣрить связь между отдѣльными положеніями. Иначе легко обратиться въ человѣка ученаго, но мало знающаго, т. е. не имѣющаго никакихъ самобытныхъ знаній. Неизбѣжно также быть требовательнымъ относительно своихъ собственныхъ сужденій и имѣть опредѣленное понятіе о правильномъ мышленіи.

Итакъ, чтеніе само по себѣ еще не служитъ къ расширенію знанія, а только при извѣстномъ отношеніи къ нему помогаетъ усовершенствованію нашей мыслительной способности. Но это далеко не все, чего долженъ искать джентльменъ въ чтеніи; оно также можетъ облегчить ему возможность передавать свои знанія и убѣжденія другимъ. Хорошая рѣчь зависитъ отъ двухъ условій: отъ точности выраженія и правильности мышленія. Передача понятій значительно облегчается точностью языка и возбуждаетъ ясностью удовольствіе въ слушателѣ; всякая-же запутанность, напротивъ, вызываетъ глубоко непріятное чувство и сомнѣніе въ знаніяхъ говорящаго. Лучшимъ средствомъ для усовершенствованія въ краснорѣчіи служитъ чтеніе авторовъ, излагавшихъ свои мысли съ безукоризненною ясностью на родномъ языкѣ.

Локкъ не довольствуется этими общими указаніями и приводитъ рядъ сочиненій, относящихся къ различнымъ областямъ знанія, которыя могутъ служить достиженію намѣченныхъ имъ цѣлей, но большинство указанныхъ сочиненій важны только для англичанъ.

Въ концѣ этой статьи Локкъ говоритъ, что самый интересный предметъ изученія *для джентльмена* есть конечно самъ человѣкъ; онъ долженъ знать людей, имѣя въ виду и свою частную жизнь, и государственную дѣятельность. Это знаніе можно

почерпнуть изъ сочиненій о человѣческой природѣ, написанныхъ геніальными людьми; къ числу такихъ сочиненіи принадлежитъ ученіе Аристотеля о страстяхъ человѣка, заключающееся во второй книгѣ его риторики. Сверхъ того Локкъ приводитъ рядъ сочиненій, принадлежавшихъ неизвѣстнымъ намъ англійскимъ авторамъ.

Итакъ, Локкъ въ своемъ педагогическомъ трактатѣ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду задачи воспитанія джентльмена Аристотель также утверждаетъ, что воспитаніе свободнаго человѣка должно существенно отличаться отъ воспитанія раба, но программа Аристотеля отличалась большею широтою взгляда. «Свободный человѣкъ» Аристотеля такой-же конкретный образъ, какъ и «джентльменъ» Локка, но въ немъ болѣе общечеловѣческаго и менѣе національнаго. Трактатъ Локка о воспитаніи вводитъ насъ въ опредѣленный кругъ дѣятельности англійскаго джентльмена семнадцатаго столѣтія. Цѣнныя и плодотворныя для всѣхъ вѣковъ мысли Локка встрѣчаются здѣсь большею частью не въ чистомъ видѣ, а въ соединеніи съ мѣстными и временными мнѣніями. Для того, чтобы какъ слѣдуетъ воспользоваться этими мыслями, мы должны ихъ, такъ сказать, выдѣлить. Локкъ какъ нельзя лучше сознавалъ это самъ. Онъ говоритъ: «Я печатаю теперь эти мысли, случайно вылившіяся, несмотря на то, что онѣ далеко не полны и не въ состояніи удовлетворить каждаго воспитателя; но я все-же надѣюсь, что онѣ могутъ помочь тѣмъ людямъ, которые, заботясь о воспитаніи своихъ дорогихъ малютокъ, скорѣе рѣшатся дѣйствовать по *собственнымъ своимъ убѣжденіямъ*, чѣмъ *буквально* слѣдовать обычаямъ старины».

Въ данномъ-же случаѣ эти педагогическія воззрѣнія для насъ важны постольку, поскольку они выражаютъ взгляды и убѣжденія Локка. Въ теоріи воспитанія проявляется также идеалъ человѣка, который носитъ въ душѣ своей каждый истинный философъ. У человѣка вполнѣ отвлеченнаго, погруженнаго въ свои собственныя мысли, идеалъ имѣетъ также отвлеченный характеръ. У людей наблюдательныхъ, чуткихъ къ дѣйствительности, наоборотъ, онъ принимаетъ конкретные образы. Локкъ и Аристотель безспорно принадлежатъ къ числу послѣднихъ; въ ихъ идеалахъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отразилась окружавшая ихъ

дѣйствительность, поэтому небезполезно провести параллель между Аристотелевскимъ свободнымъ человѣкомъ и джентльменомъ Локка. Начнемъ съ физической стороны. И древній эллинъ, и англичанинъ семнадцатаго вѣка оба безусловно здоровые люди, но эллинъ уступаетъ англичанину въ силѣ, а главное въ выносливости, за то превосходитъ его гибкостью и граціей. Эллинъ ищетъ наслажденія въ трудѣ и считаетъ унизительнымъ для себя стремиться только къ полезному. Англичанинъ, напротивъ, добровольно ограничивается исключительно полезнымъ. Путь его узокъ, но онъ прямой и опредѣленный. Не многое полагается ему знать для того, чтобы служить своей странѣ. Любознательности-же эллина нѣтъ предѣловъ. Джентльменъ—гражданинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, однако въ тоже время онъ не чуждъ общечеловѣческихъ интересовъ. Эллинъ весь преданъ послѣднимъ, хотя отдаетъ нѣкоторое предпочтеніе нуждамъ своего отечества.

Мы видимъ, что особенность характера Локка отчетливо проявилась въ его мысляхъ о воспитаніи. Передъ нами и здѣсь рисуется человѣкъ съ твердою волею, неуклонно направленной къ добру, но руководимый самыми скромными желаніями и требованіями, человѣкъ, знающій жизнь, какъ говорится, вдоль и поперекъ. Религіозное смиреніе сказывается и во взглядахъ на воспитаніе, нѣсколько ограничивая умственный кругозоръ свободнаго мыслителя. Несмотря на то, упомянутый трактатъ изобилуетъ прекрасными мыслями; приведемъ напримѣръ разсужденіе Локка о значеніи наказанія и наградъ.

Онъ говоритъ, что общеупотребительныя наказанія и награды не приводятъ къ той цѣли, которую мы должны имѣть въ виду при воспитаніи, т. е. не развиваютъ въ питомцѣ господства надъ свойственными ему чувственными минутными удовольствіями, не учатъ его переносить боль и непріятности. Напротивъ, наказанія усиливаютъ въ питомцѣ расположеніе къ удовольствію, создаютъ стремленіе къ порочнымъ дѣйствіямъ. Когда мы обѣщаемъ ребенку дать гостинецъ за то, чтобы онъ позволилъ расчесать себѣ волосы, мы заставляемъ его мечтать о продолжительномъ чувственномъ удовольствіи, которое ему предстоитъ послѣ минутнаго чувственнаго-же неудовольствія. Затѣмъ слѣдуетъ подробная оцѣнка всѣхъ способовъ на-

градъ и наказаній, послѣ которой Локкъ горячо высказываетъ свое искреннее убѣжденіе «Нѣтъ, я не признаю никакой исправительной мѣры полезною для нравственности ребенка, если стыдъ, сопряженный съ нею, пересиливаетъ стыдъ отъ совершеннаго поступка».

Локкъ очевидно стремится къ тому, чтобы ребенокъ чувствовалъ негодованіе къ безнравственнымъ поступкамъ. Онъ внушаетъ намъ уваженіе къ личности ребенка и отрицаетъ возможность дѣйствовать на дѣтей строгостью, высказывая по поводу ея слѣдующее мнѣніе· «Если-бы даже строгость, доведенная до высшей степени, и могла излѣчить какую-нибудь нравственную болѣзнь питомца, то вмѣсто этой болѣзни непремѣнно явился-бы еще большой нравственный недугъ, потому что строгость ослаблятъ *пружины* души». Эта мысль принадлежитъ къ числу самыхъ вѣрныхъ и плодотворныхъ. Обыкновенно, воспитывая дѣтей, мы болѣе имѣемъ въ виду достиженіе скорѣйшихъ результатовъ, чѣмъ будущее нашихъ питомцевъ; мы дѣйствуемъ такимъ образомъ ради собственнаго успокоенія. Локкъ-же совѣтуетъ принимать въ разсчетъ главнымъ образомъ будущее ребенка. Такой взлядъ на дѣло достоинъ философа. Къ счастью, онъ выраженъ настолько отчетливо и сильно, что способенъ образумить родителей и воспитателей. Этимъ вліяніемъ и обусловливается по всей вѣроятности то, что каждый человѣкъ, сердцемъ преданный дѣлу воспитанія, неизбѣжно долженъ искать и дѣйствительно ищетъ опоры въ Локкѣ

Въ сочиненіяхъ Локка особенно замѣчательны и цѣнны наблюденія надъ такими явленіями психической жизни, которыя по своей тонкости трудно уловимы; такихъ наблюденій особенно много въ сочиненіяхъ, имѣющихъ болѣе научный характеръ; большею частью они относятся къ взрослымъ людямъ, но толчкомъ къ такого рода наблюденіямъ всегда служатъ дѣти. Для подтвержденія этой нашей мысли мы приведемъ нѣсколько строкъ изъ знакомаго уже намъ опыта Локка, гдѣ онъ говоритъ объ ассоціаціи идей.

«Многія дѣти начинаютъ ненавидѣть тѣ учебные предметы, за которые получили наказанія: представленіе о наказаніи соединяется у нихъ съ представленіемъ о книгѣ до того, что они не могутъ безъ содроганія видѣть послѣдней. Изученіе книги при

такихъ условіяхъ становится для нихъ пыткой. Мнѣ приходилось видѣть хорошія, удобныя комнаты, въ которыхъ многіе люди не въ состояніи заниматься. Существуютъ также такіе стаканы, изъ которыхъ невозможно пить, несмотря на ихъ видимую пригодность. Мой другъ сообщилъ мнѣ какъ-то слѣдующій замѣчательный случай: одинъ больной подвергся очень мучительной операціи, возвратившей ему здоровье. Онъ всю жизнь питалъ безграничную благодарность къ своему оператору, считалъ его величайшимъ своимъ благодѣтелемъ. Въ то же время благодарный паціентъ не могъ видѣть оператора. *видъ* этого человѣка напоминалъ ему слишкомъ живо всѣ перенесенныя имъ страданія, и это воспоминаніе было невыносимо для него».

«Можно привести множество примѣровъ такого рода. Одинъ молодой человѣкъ долгое время упражнялся въ танцахъ въ комнатѣ, гдѣ стоялъ большой шкафъ; онъ не могъ танцовать въ другой комнатѣ, въ которой не было такого шкафа».

Внимательный и наблюдательный читатель, по мнѣнію Локка, можетъ и самъ припомнить не мало такихъ примѣровъ. Легко понять, какое значеніе имѣетъ все это для воспитанія. Тщательное изученіе сочиненій Локка убѣждаетъ насъ въ томъ, что вопросы, связанные съ воспитаніемъ, какъ говорится, никогда не выходили изъ головы ихъ автора.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о другихъ сочиненіяхъ Локка, имѣющихъ отношеніе къ образованію и воспитанію. Мы говорили уже о взглядахъ Локка на роль чтенія въ жизни джентльмена Мы знаемъ также сочиненіе Локка «Conduct of understanding» (Управленіе пониманіемъ), которое скорѣе можно назвать педагогическимъ трактатомъ, руководствомъ къ мышленію, чѣмъ строго научнымъ трудомъ. Въ этомъ сочиненіи Локкъ посвящаетъ главное свое вниманіе средствамъ для избѣжанія заблужденій и ошибочныхъ умозаключеній. Самое изложеніе отличается большою популярностью и сверхъ того изобилуетъ также множествомъ очень цѣнныхъ наблюденій и совѣтовъ, представляющихъ большую важность въ примѣненіи ихъ къ практикѣ. Вѣрный самому себѣ и здѣсь, Локкъ обращаетъ большое вниманіе на нравственныя причины заблужденій и очень много говоритъ о предразсудкахъ и суевѣріи. Онъ совѣтуетъ человѣку какъ можно снисходительнѣе относиться къ ошибкамъ и предразсуд-

камъ другихъ и какъ можно безпристрастнѣе провѣрять себя самого. И здѣсь, какъ и въ трактатѣ о воспитаніи, Локкъ проводитъ двѣ главныя мысли: добрая нравственность важнѣе для человѣка, чѣмъ умственное развитіе, и польза есть конечная цѣль всякой дѣятельности. Трудъ ради труда, говоритъ онъ, есть нѣчто неестественное. Мышленіе, какъ и все на свѣтѣ, стремится къ кратчайшему пути для достиженія своей цѣли, т. е. знанія. Убѣжденный въ этомъ, Локкъ и самъ предпочиталъ краткій и легкій путь къ истинѣ.

ГЛАВА VII

Вольтеръ о Локкѣ.—Даламберъ о Локкѣ.—Локкъ и Лейбницъ.—Шефтсбюри о сочиненіяхъ Локка.—Льюисъ о Локкѣ.

Мы говорили уже о значеніи Локка въ исторіи философіи. Но для того, чтобы глубже почувствовать его вліяніе, приведемъ мнѣнія о Локкѣ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей, основательно знакомыхъ съ его ученіемъ. Прежде чѣмъ разстаться съ съ Локкомъ, посмотримъ на него глазами Вольтера, Лейбница, Даламбера, Шефтсбюри и Льюиса, и онъ предстанетъ передъ нами въ новомъ, хотя и не въ иномъ свѣтѣ.

Всѣ замѣчательные люди—существа одного высшаго порядка, они лучше могутъ цѣнить и понимать другъ друга, чѣмъ понимаемъ ихъ мы, люди обыкновенные.

Начнемъ съ Вольтера. Мы знаемъ его проницательный, насмѣшливый взглядъ; представимъ себѣ, что онъ остановился на Локкѣ и вдругъ измѣнился, потерялъ свою холодность и сухость, сталъ мягкимъ, почти кроткимъ. Его обезоружила скромность Локка, соединенная съ такими истинными достоинствами, которыхъ не могъ не понимать и не оцѣнить Вольтеръ.

Вольтеръ говоритъ: «Я долгое время всюду искалъ истины и вмѣсто нея находилъ ложь, химеры; послѣ многихъ такихъ неудачныхъ, утомительныхъ попытокъ я наконецъ снова возвратился къ Локку, такъ блудный сынъ послѣ долгихъ странствованій и заблужденій возвращается къ своему отцу. Съ чувствомъ глубокого спокойствія бросился я въ объятія человѣка скромнаго, въ которомъ всегда хватало мужества сознаться въ томъ, чего онъ не знаетъ. По правдѣ сказать, Локкъ не обладаетъ несмѣтными богатствами, но у него есть вѣрный капиталъ и онъ

располагаетъ неподдѣльными сокровищами. Этотъ философъ меня утвердилъ во мнѣніи, что все наше знаніе мы въ концѣ концовъ пріобрѣтаемъ при помощи нашихъ органовъ чувствъ.

Итакъ, врожденныя понятія не существуютъ.

Мы не можемъ себѣ представить ни безконечнаго пространства, ни безконечнаго числа.

Не во всякій данный моментъ я размышляю, поэтому моя мысль не есть какая нибудь сущность, а только дѣйствіе моего ума.

Я свободенъ, если я могу дѣлать то, что хочу. Когда я сижу въ комнатѣ съ запертой дверью, отъ которой у меня нѣтъ ключа, я не располагаю свободой выйти изъ комнаты; у меня нѣтъ свободы, когда я страдаю, не желая страдать; у меня ея нѣтъ, когда я не могу сосредоточить свою мысль на извѣстныхъ идеяхъ по своему желанію.

Говорить, что воля свободна, въ сущности не имѣетъ смысла, потому что безсмысленно говорить: *я желаю хотѣть того-то*, это вѣдь то же самое, *что желать желанія или бояться боязни*. Наконецъ говорить, что *воля* свободна—это все равно, что сказать: воля голубая, воля квадратная.

Я могу желать только вслѣдствіе идей, возникшихъ въ моемъ мозгу; если бы этого не было, то мои дѣйствія не имѣли бы причины.

Я не могу имѣть представленія о безконечномъ, потому что я самъ очень конечный.

Я не могу постигнуть сущности, потому что мои понятія относятся только къ отдѣльнымъ ея качествамъ, и знаніе тысячи извѣстныхъ мнѣ качествъ не даетъ мнѣ полнаго понятія о природѣ данной вещи, потому что мнѣ все-таки могутъ быть неизвѣстны сто тысячъ остальныхъ ея свойствъ. (1)

Все это вынесъ Вольтеръ, изучая внимательно Локка. Эти мысли оказали сильное вліяніе на его собственныя воззрѣнія. Намъ же извѣстно, какое значеніе для всего образованнаго міра имѣли мнѣнія и взгляды Вольтера.

Къ философіи Локка приложимо какъ нельзя болѣе то, что Вольтеръ говоритъ о философіи вообще: философія отличается простотой, спокойствіемъ; въ ней нѣтъ ни зависти, ни честолюбія; она живетъ въ мирѣ съ людьми, но удаляется отъ шума

и суеты мірской; она терпима и сострадательна къ людямъ Въ своей безукоризненно чистой рукѣ держитъ она факелъ, освѣщающій людямъ ихъ жизненный путь. Она никогда своимъ огнемъ не зажигала пожара. Ея голосъ слабъ, но слышенъ людямъ, она говоритъ, она повторяетъ: «Преклоняйтесь передъ Богомъ, уважайте власть; любите людей!»

Даламберъ въ своемъ знаменитомъ введеніи въ Энциклопедію высказываетъ слѣдующее мнѣніе о философіи Локка· «Можно сказать, что Локкъ создалъ науку метафизики подобно тому, какъ Ньютонъ создалъ физику. Для того чтобы изучить душу, понять что такое идеи и страсти, онъ не обращался къ книгамъ; онѣ могли бы направить его въ ложную сторону. Онъ погрузился въ самого себя и послѣ продолжительнаго созерцанія духовнаго мира представилъ въ своемъ «Опытѣ» то зеркало, въ которомъ видѣлъ самого себя Однимъ словомъ Локкъ привелъ метафизику къ тому, чѣмъ она должна быть, т. е сдѣлалъ ее экспериментальной физикой души».

Мы привели здѣсь мнѣнія Вольтера и Даламбера о Локкѣ, чтобы показать, какъ понимали и цѣнили его величайшіе люди восемнадцатаго столѣтія. Посмотримъ теперь, какъ относились къ воззрѣніямъ этого философа его знаменитые современники Лейбницъ и лордъ Шефтсбюри-младшій.

Локкъ и Лейбницъ воплощали въ себѣ всѣ умственныя способности тѣхъ націй, къ которымъ принадлежали; Локкъ отличался удивительно яснымъ умомъ и большимъ здравымъ смысломъ; особенность же умственной дѣятельности Лейбница заключалась въ ея глубинѣ и силѣ. Локкъ—проницательный, безпристрастный и терпѣливый наблюдатель. Лейбницъ—вдохновенный творецъ. Локкъ впродолженіе тридцати лѣтъ записывалъ въ свой журналъ факты и наблюденія, обдумывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ и постоянными непрерывными усиліями мало по малу создалъ свою удивительную книгу. Не сводя глазъ съ дѣйствительности, Локкъ ставилъ себѣ скромную цѣль: освободить поле мысли отъ слѣдовъ развалинъ и отъ сорныхъ травъ.

Изученіе дѣйствительности приноситъ пользу человѣчеству, но оно также налагаетъ цѣпи на свободу мысли; имѣя постоянно дѣло съ фактами, преувеличиваешь значеніе всего мѣстнаго и временнаго. Всему этому отдалъ свою дань и Локкъ. Лейбницъ,

въ противоположность Локку, совершенно свободно относился къ дѣйствительности, онъ носилъ въ душѣ своей болѣе смѣлые и гордые планы. Своему стремленію къ гармоніи онъ готовъ былъ принести въ жертву все на свѣтѣ. Каждому предмету, занимавшему его мысль, онъ могъ бы посвятить цѣлую книгу; онъ могъ бы написать столько книгъ, сколько у него было идей, и не написалъ ни одной книги. Лейбницъ воспользовался книгою Локка какъ канвой и между строками ея изложилъ свои мысли.

«Опытъ изслѣдованія человѣческаго ума», говоритъ Лейбницъ,—есть одно изъ совершеннѣйшихъ и уважаемыхъ произведеній нашего вѣка. Хотя знаменитый авторъ «Опыта» и высказываетъ множество мыслей, которымъ я вполнѣ сочувствую, но тѣмъ не менѣе наши системы вполнѣ различны. Въ немъ больше сходства съ Аристотелемъ, во мнѣ—съ Платономъ».

Отличіе своихъ воззрѣній отъ взглядовъ Локка Лейбницъ уясняетъ слѣдующимъ образомъ «Вопросъ состоитъ въ томъ, существуютъ ли идеи прирожденныя уму, или же всѣ онѣ пріобрѣтаются умомъ. Самъ умъ долженъ считаться прирожденнымъ, а въ немъ содержатся понятія сущности, времени, измѣненія, дѣйствія, воспріятія, удовольствія и т. д.».

«Я скорѣе сравню умъ съ кускомъ мрамора съ жилками, чѣмъ съ бѣлымъ листомъ бумаги. Необходимъ извѣстный трудъ, чтобы найти эти жилки и воспользоваться ими при созданіи статуи Геркулеса. Но эти жилки придаютъ статуѣ извѣстный характеръ, который можно считать врожденнымъ».

Изъ этого замѣчанія видно, что противоположныя въ сущности системы Локка и Лейбница, такъ сказать, дополняютъ одна другую и обѣ вмѣстѣ представляютъ всестороннее изслѣдованіе всѣхъ явленій психической жизни.

Лордъ Шефтсбюри-младшій очень строго критиковалъ нѣкоторыя воззрѣнія Локка. Главнымъ же образомъ возмущался тѣмъ, что Локкъ не признавалъ *врожденнаго* чувства долга, не видя проявленія его у варваровъ и дикарей. Въ негодованіи своемъ Шефтсбюри доходилъ до того, что называлъ философію Локка въ этомъ отношеніи жалкой. Свои же собственныя воззрѣнія на нравственность Шефтсбюри высказалъ въ сочиненіи, извѣстномъ подъ названіемъ «Писемъ аристократа къ молодому студенту», изданномъ въ 1716 году безъ имени автора. Въ тѣхъ же «Пись-

махъ» Шефтсбюри высказываетъ свое высокое мнѣніе о философіи Локка вообще, говоря, что его «Опытъ»—сочиненіе одинаково полезное людямъ ученымъ и свѣтскимъ, потому что въ немъ мы находимъ самое ясное и совершенное изложеніе философскихъ истинъ. (Студентъ, къ которому дѣйствительно относились эти письма, былъ стипендіатъ лорда Шефтсбюри. Сынъ слуги лорда, онъ еще въ дѣтствѣ обратилъ на себя вниманіе своего господина, который далъ ему самое тщательное образованіе, возлагая на него блестящія надежды. Послѣднія однако не оправдались. Воспитанникъ Шефтсбюри вышелъ набожнымъ, добрымъ человѣкомъ, но не больше. Мы упоминаемъ объ этомъ потому, что отношенія къ этому молодому человѣку характеризуютъ англійскаго философа Шефтсбюри съ нравственной стороны).

Льюисъ говоритъ, что въ Англіи одно время вошло въ моду относиться къ Локку свысока. Встрѣчая на каждомъ шагу нападки на философію Локка, Льюисъ рѣшился съ перомъ въ рукѣ вновь перечитать сочиненія Локка. Этотъ трудъ далъ ему силу отразить всѣхъ враговъ философіи Локка. И онъ завѣщалъ своему читателю: «Если хотите знать и понимать Локка, *читайте* Локка!»

КОНЕЦЪ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

„НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ".

Знакомство съ явленіями природы путемъ игръ и опытовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ. Составилъ **Г. Тисандье**. Переводъ съ французскаго подъ редакціей **Ф. Павленкова**. 3-е, значительно дополненное изданіе. Съ 352 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ 2 руб. 25 коп.

СОДЕРЖАНІЕ· I. **Научныя занятія на открытомъ воздухѣ**.—II. **Физическіе опыты безъ приборовъ**. Давленіе воздуха. Паденіе силъ. Различныя силы. Инерція. Гидростатика. Сифоны. Волосность. Равновѣсіе тѣлъ. Центръ тяжести. Теплота. Акустика и звуки. Свѣтъ и оптика. Электричество. — III. **Зрѣніе и оптическіе иллюзіи**. — IV. **Анализъ случайностей и математическія игры**. — V. **Химія безъ лабораторіи**. Металлы простые и драгоцѣнные. Искусственное окрашиваніе цвѣтовъ. Фосфоричность. Примѣненіе химіи къ фокусамъ. Спирально разрѣзанная бутылка.—VI. **Спиритизмъ**.—VII. **Научныя игрушки**. Магическій волчокъ и жироскопъ. Приборы для механическаго полета. Электрофоръ Пейффера. Маленькій воздушный пароходъ. Циркулирующій фонтанъ. Магическія рыбы. Американская копилка. **Оживающія электрическія украшенія и различныя игрушки**. VIII **Домъ любителя науки**. Пишущая машина. Электрическое перо. Пневматическій карандашъ. Хромографъ. Электрическій штемпель. Кампилометръ. Небесный индикаторъ. Астрономическіе часы. Глобусъ-теллурій. Солнечный хронометръ. Загадочные часы. Новые круглые счеты. Шагомѣръ. Водяной барометръ. Телефонъ, микрофонъ и фонографъ. — IX. **Наука и домашняя жизнь**. Швейная машина, приводимая въ движеніе собакою. Способъ быстро рыть колодцы. Приборъ Карре для искусственнаго приготовленія льда. Ночникъ, показывающій время. Лампа будильникъ. Газолиновая лампа. Экономическая мышеловка. Хорошее устройство крана.—X. **Снаряды для перевозки**. Безконечные рельсы. Парусные вагоны. Новый снарядъ для плаванія. Водяной велосипедъ. Тюлень-бурлакъ. Двойная лодка. Наименьшій пароходъ въ свѣтѣ. Лодки на льду. Кареты, запряженныя блохами —XI. **Вакаціи**

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Сборникъ разсказовъ для дѣтей и юношества.

П. ВАСОДИМСКАГО.

2 тома съ 130 рисунками М. Малышева.

Содержаніе 1 тома: Ночь на Новый годъ.—Слѣпой изъ Данилова.—Бѣдный Христосъ — Два выстрѣла.— Передъ печкой.— Высокій татаринъ.—Исторія двухъ елей.— Алхимикъ —Заговоръ совъ.

Содержаніе 2 тома: Дочь угольщика.—Ванюшкинъ садъ.—Неразлучники — На большой дорогѣ.— Повѣсть о хлѣбѣ —Вовка.—Рыжій графъ.

Цѣна каждаго тома въ папкѣ 1 руб. 50 коп., въ каленкоровомъ переплетѣ—2 руб.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коганса* Пер *П. Мокіевскаго* Ц 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго Ц. 1 р 25 к
Законы подражанія. *Тарда* Ц 1 р 50 к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Аггемедингена* Ц 60 коп
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ *А. Аггемедингена* Части 1 и 2-я Ц каждой 50 к
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы* Съ 35 рис Ц 1 р
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нижейера* Съ 30 рис Ц 75 к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни *Д-ра Эйдама* Съ 7 рис Ц 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле* Переводъ съ франц съ 40 рис Цѣна 1 р 25 к
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера* Пер съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц 60 к
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора) *А. Брэма* Сомнотіями рис Ц 2 р
Первобытные люди. *Дебьера* Съ многими рисунками Ц 1 р
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго.* 720 стр и 153 рис. Ц 4 р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей *Шубелера* Съ 137 рис Ц 60 к.
Который часъ? *И. Васильева* Руководство для поправки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис Ц 30 к
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо* 2 изд Ц 40 к
Записки желудка. Перев съ 10 анг изд Ц 50 к
Физіологія души. *А. Герцена* Ц 1 р
Міръ грезъ. *Д-ра Симона* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц Ц 1 р
Ручной трудъ. *Графинеи* Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами Съ 400 рис Ц 1 р 50 к Въ папкѣ 1 р 75 к Въ пер —2 р
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца* Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц 1 р 50 к
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки *Д-ра Ренъяра* Съ 110 рис Ц 1 р 75 к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис) Ц 30 к
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона* 2-е изд Съ 100 рис Ц 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис Ц 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч *Нгоде.* Со многими рисунками. Ц. 2 р
Электр. аккумуляторы. *Ренге.* Съ 76 рис Ц 1 р 25 к
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ* Съ 151 рис Ц 2 р 50 к
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к
О безопасности электрическаго освѣщенія *В. Чиколева* Съ 6-ю рисунками Ц 25 к
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано и Ж. Маневрье* 340 рис Ц. 1 р 50 коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона* Съ 230 рис Ц 2 р
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье* Съ 115 рис. 2-е изд Ц. 2 р 50 к
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье* Со множествомъ рис. Ц 2 р
Электрическіе звонки. *Боттона* Съ крат. свѣдѣніями о воздушн. звонкахъ 114 рис Ц 1 р
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц 75 к
Психологія великихъ людей Проф *Жоли* Пер съ франц. 2-е изд Ц 1 р
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер съ франц *Ф. Павленкова.* 2-е изд Ц 2 р 50 к
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Сельи* Перев съ франц. *Ф. Павленкова* 3-е изд Ц 2 р 50 к
Частная медицинская діагностика. Руководство для врачей Составилъ проф *Дакоста* 704 стр съ 43 рис 2-е изд Ц 2 р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера* Переводъ съ франц Ц 1 р 50 к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо* Съ портретомъ автора и рис 2-е изд Ц 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост *Иверсенъ* Съ 43 рис Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа. съ 3 рис Бар *Н. Корфа* Ц 10 к
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго* Съ 73 рис 2-е изд Цѣна 60 коп
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства *А. Болотовскаго* Ц 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Климка.* Пер *Н. Корфа* Ц 75 к
Гигіена семьи. *Гебера* Ц 50 к
Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. 40 к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца* Въ 2-хъ частяхъ Ц 1 р 50 к, 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо* Ц 40 к, 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нижейера* Съ 30 рис. Ц 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц 1 р. 80 к, 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц 1 р. 25 к; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. 1 р, 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц 1 р, 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина Ц. 60 к, 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц 1 р 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к., 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд Ц 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис 2-е изд. Ц 1 р 14) **Гигіена семьи.** *Гебера* Ц 50 к 15) **Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка.** *Мигулы.* Съ 35 рис Ц. 1 р

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера* Ц 2 р 50 к

Курсъ начальной механики. *И Рыкачева* Съ 197 рис. Ц 1 р 50 к.

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго* Съ 300 чертежами Цѣна 60 к

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института *Д А Лачинова* Съ 122 рис и 6-ю картами Цѣна 2 р

Общія основы химической технологіи. *В. Сегезнева* Съ 70 рисунками. Ц 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А Гано* Переводъ *Ф Павленкова* и *В Черкасова* 8-е изд съ 1215 рис, 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р

Популярная физика. *А Гано* Переводъ съ франц *Ф Павленкова*, 3-е изд Съ 604 рис Ц 2 р

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис и 214 задачами Цѣна 1 р

Популярная химія. *Н Вальберха* и *Ф. Павленкова* 3-е изд Съ 50 рис Ц. 40 к.

Учебникъ химіи. *Альмедингена* съ 96 рис Ц 2 р

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго* Съ 143 фиг Ц 40 к

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис 2-е изд. Ц. 3 р

Методика ариѳметики. *С Житкова.* Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики" *С Житкова.* 3-е изд Ц 40 к

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ *С. Житкова* 3-е изд. Ц 25 к

Учебникъ географіи для городскихъ училищъ *И. Плетенева* Съ рис Ц 30 к

Начальный курсъ географіи. *Корнеля* 11-е изд, съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис Ц 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А Кузнецова.* 2-е изданіе Цѣна 1 р

Наглядная азбука. *Ф Павленкова.* Съ 800 рис 12-е изд. Ц 20 к

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова* 7-е изд Цѣна 15 к

Родная азбука. *Ф Павленкова,* 8-е изд, съ 200 рис. Ц. 5 к.

Азбука-копѣйка. *Ф Павленкова,* 11-е изд, 12 стр 100 рис Ц 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф Павленкова* 1) **Къ „Родному слову"** Ушинскаго (400 рис) 2) **Къ „Азбукѣ Бунакова"** (460 рис) 3) **Къ „Первой учебной книжкѣ"** Паульсона (430 рис) 4) **Къ „Русской азбукѣ"** Водовозова (470 рис) 5) **„Общія наглядно-звуковыя прописи"** (къ другимъ азбукамъ) (464 рис) Ц. каждой книжки 8 к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т Лубенца* 2-е допол. изд Ц 15 к

Зернышко. *Т Лубенца.* Первая послѣ азб книга для чтенія и письма. Со многими к Ц. 30 к Вторая книга Ц 40 к

Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц. 5

Методика ариѳметики. *Т Лубенца.* Ц 30

Церковно-славянскій букварь *Лубенца* Ц

Руководство къ „Церковно-славянскому О варю". *Т Лубенца* Ц 15 к

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубен* 11-е изд (около 2000 задачъ и 3000 числ ныхъ примѣровъ) Ц. 40 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Ба на *Н А. Корфа* Ц 50 к

Итоги народнаго образованія въ Европейски государствахъ *Н. А. Корфа* Ц 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и ма Составилъ *Баронъ Н А Корфъ.* 15-е съ 200 рис и порт Ц 75 к

Триста письменныхъ работъ. Для упражне въ начальной школѣ *Н Корфа.* Ц 15 к

Первоначальное правописаніе. 40 диктово съ указаніемъ грам правилъ. *Корфа* Ц 12

Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестома *А. Тарнавскаго* (Съ 80 рис и портретам 4-е изд Ц. 60 к

Элементарная грамматика русскаго язы *А. Чудинова.* 5-е изд Ц 50 к.

Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго* Ц 30

Книга для обученія церковно-славянскому яз ку *А Карюкова* 2-е изд. Ц 20 к. „Замѣ для учителя" Ц. 10 к.

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ обр цовыхъ произведеній рус. словесности Ру водство для городскихъ училищъ Ц. 1 р.

Руководство къ „Рус. слову" *Его-же* Ц 60

Сборникъ задачъ по русскому право санію. *Разыграева* 1) Элементарныя свѣ правоп. словъ Ц. 50 к 2) Систематичес свѣд. о правоп словъ. Ц 50 к. 3) Элеме свѣдѣнія о знакахъ препинанія Ц 35 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинан Ц. 35 к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго* Ц. 40

Первое знакомство съ физикой. *М. Ге симова.* Съ 96 рис Ц 50 к.

Дешевый географическій атласъ. Десять р крашен картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И И Григорович* 6-е изд Съ 57 портретами Ц 2 р.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Пер водъ подъ редакціей проф *И. Мечника* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р Въ папкѣ 1 р. 20 въ перепл 1 р. 50 к.

Крат. курсъ ботаники. *Сглзова.* 118 рис Ц 50

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтанс скаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ Ц 75

Руководство къ рисованію акварелью. *А кассаня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар Ц. 1 р 50

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графиньи.* Домашнія занятія ремеслами Съ франц 400 рис Ц 1 р 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер съ англ и дополнилъ Д. Головъ Ц 1 р —3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц Съ 150 рис Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай** *А. Альмедингена* Научныя-практическія дѣнія по полеводству, садоводству, огоро честву, домоводству, по борьбѣ съ вреди насѣкомыми, грибами и паразитами, а т съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ ществъ Двѣ части Цѣна каждой 50 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *Альмедингена.* Ц. 60 к. и проч.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен изложении *Г Коллинса* Пер. *И Мокіевскаго*. Ц 2 р.
абочій вопросъ. *Ф. А Ланге* Переводъ съ нѣмецкаго Ц 1 р 25 к
Законы подражанія. *Тарда* Ц 1 р. 50 к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А Альмедингена* Ц 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена* Части 1 и 2-я Ц. каждой 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка *Мигулы* Съ 35 рис Ц 1 р
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис Ц 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц съ 40 рис Цѣна 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора) *А Брэма* Сомногими рис Ц 2 р
Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц 1 р.
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *И. Васильева*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч часовъ. Съ 13 рис. Ц 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо* 2 изд Ц. 40 к.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.
Физіологія души. *А. Герцена* Ц. 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р
Ручной трудъ. *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц 1р 50 к Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер —2 р.
Экстазы человѣка. *М Пантъязаца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц 1 р 50 к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич очерки *Д-ра Реналя*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки мірозрѣнія 5-е изд (60 рис.) Ц 30 к
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера и Присса*. Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч *Нюде*. Со многими рисунками. Ц 2 р
Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис Ц 1р 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц 2 р. 50 к
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к
О безопасности электрическаго освѣщенія *В Чиколева* Съ 6-ю рисунками. Ц 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А Гано и Ж. Маневрье*. 340 рис. Ц. 1 р 50 коп.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис 2-е изд. Ц 2 р 50 к
Электричество въ домашнемъ быту. *Э Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц 2 р.
Электрическіе звонки *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к
Психологія великихъ людей. Проф *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд Ц 1 р
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер съ франц *Ф Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р 50 к
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Сежи*. Перев съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд Ц 2 р 50 к
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак врачей. Составилъ проф. *Да-Коста* 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд Ц. 2 р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц Ломброзо* Съ портретомъ автора и рис 2-е изд. Ц. 1 р
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц 80 к
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун. Ц 50 к
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 8 рис. Бар *Н. Корфа*. Ц 10 к
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М Клима* Пер. *Н Корфъ*. Ц. 75 к.
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Боярин Орша.** Съ 7 рис Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ рис. Ц 3 к.—10) **Каллы.** Съ 8 рис. Ц 2 к.—1) **Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц 3 к.—2) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черке-** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис Ц 4 к.—**ерой нашего времени.** Съ 23 рис Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис Ц 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис Ц. 12 к —20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис Ц. 3 к —22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к —24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ Съ 5 рис. Ц 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к —29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис Ц. 5 к.—30) **Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. [illegible] к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: Андерсенъ, **Аристотель, Байронъ**, Бальзакъ, Бахъ, Беккаріа (и Бентамъ), **Ф. Бекон**ъ, Бентамъ (и Беккаріа), **Беранже**, Клодъ-Бернаръ, **Берне**, Бернсъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, **Боккачіо**, Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ**, Валленштейнъ, Вашингтонъ, Виклефъ, **Л Винчи**, Вирховъ, Вольта (и Гальвани), Вольтеръ, Гандиъ, **Галилей**, Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ**, Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, А Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго**, Дагерръ и Ніэпсъ, **Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ**, Декартъ, Демосфенъ (и Цицеронъ), **Дефо, Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ**, Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, **Кальвинъ**, Канова, Кантъ, **Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ, Кромвель**, Кукъ, **Кювье, Лавуазье**, Лапелль, **Лапласъ** (и **Эйлеръ**), Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ**, Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ**, Лопе-де Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, Маколей, Мане (основатель международной лиги образованія), **Мейербе**ръ, **Меттерних**ъ, **Микель-Анджело, Милль**, Мильтонъ, **Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ**, Мольтке, Монтескье, **Морзе** (и **Эдисонъ**), **Т. Моръ, Моцартъ**, Т Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ, Оуэнъ**, Парнель, **Паскаль**, Пастеръ, **Песталоцци**, Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль**, Рашель, Рембрандтъ, Рикардо, Риттеръ, Ришелье, Родбертусъ, Ротшильды, Рубенсъ, Руссо, Савонарола, **Сакіа Муни** (**Будда**), **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, Сталь, **Стэнли**, Стефенсонъ (и Фультонъ), Тацитъ (и Ювеналъ), **Теккерей**, Торквемада, **Уаттъ, Фарадей, Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, Фультонъ (и Стефенсонъ), **Цвингли**, Цицеронъ (и Демосфенъ), Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ**, Шуманъ, **Эдисонъ** (и **Морзе**), **Эйлеръ** (и **Лапласъ**), **Дж. Эліотъ**, Эпиктетъ и Эпикуръ, Эразмъ, Ювеналъ (и Тацитъ), Юлій Цезарь, Юмъ и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II Аракчеевъ, Богданъ Хмѣльницкій, **Боткинъ**, Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Бэръ**, Верещагинъ, **Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы, Глинка, Гоголь**, Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Даргомыжскій, Дашкова, **Демидовы**, Державинъ, **Достоевскій**, Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, Иванъ IV, Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк университета), Карамзинъ, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ**, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Мещниковъ, Миклуха-Маклай, Д. и Н. Милютины, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ, Новиковъ**, Орловы, Островскій, Перовъ, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Н Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій**, Станкевичъ, Строгоновы, Струве, **Суворовъ**, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, **Фонъ-Визинъ**, Щепкинъ, Ѳедотовъ и другіе

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка**, *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 15 августа 1892 г Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 к.**